



П.В. Мультатули

Свидетельствуя о Христе до смерти...



Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование

Петр Мультатули

**Свидетельствуя о Христе до
смерти... Екатеринбургское
злодеяние 1918 г.:
новое расследование**

Православное издательство "Сатисъ"

2006

Мультатули П. В.

Свидетельствуя о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование / П. В. Мультатули — Православное издательство "Сатись", 2006

ISBN 5-7869-0063-6

Не прекращались и никогда не прекратятся попытки русских людей понять, что произошло с Царской Семьей в Екатеринбурге в ночь с 16-го на 17-е июля 1918 года. Правда нужна не только для восстановления исторической реальности, но и для понимания духовной сути мученического подвига Государя и его Семьи. Мы не знаем, что пережили они – Господь судил им более года томиться под арестом, в заключении, в полной безвестности, в атмосфере ненависти и непонимания, с грузом ответственности на плечах – за судьбы Родины и близких. Но, претерпев попущенное, приняв всё из рук Божиих, они обрели смирение, кротость и любовь – единственное, что может принести человек Господу и самое главное, что угодно Ему. Труд Петра Валентиновича Мультатули – историка, правнука одного из верных слуг Государя, Ивана Михайловича Харитонова, – необычен. Это не научная монография, а детальное, скрупулезное расследование Екатеринбургского злодеяния. Цель автора – по возможности, приблизиться к духовному пониманию происшедшего в Ипатьевском Доме. В работе использованы материалы архивов России и Франции. Многие документы публикуются впервые.

ISBN 5-7869-0063-6

© Мультатули П. В., 2006

© Православное издательство
"Сатись", 2006

Содержание

Предисловие	7
Часть 1	12
Глава 1	12
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Петр Мультатули
Свидетельствуя о Христе до смерти...
Екатеринбургское злодеяние
1918 г.: новое расследование



По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА



© П.В. Мультатули, текст, 2006

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2006

Предисловие

Прошло почти 89 лет с тех пор, как в полуподвальном помещении Дома Ипатьева в городе Екатеринбурге были убиты свергнутый с престола Император Николай Александрович, Императрица Александра Феодоровна, Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, Великая Княжна Ольга Николаевна, Великая Княжна Татьяна Николаевна, Великая Княжна Мария Николаевна, Великая Княжна Анастасия Николаевна и четверо верноподданных (доктор Е.С. Боткин, комнатная девушка А.С. Демидова, лакей А.Е. Трупп, повар И.М. Харитонов), добровольно принявших смерть за своего Царя. Тогда же, 85 лет тому назад, белым следствием была открыта первая страница уголовного дела по факту этого убийства. В течение нескольких месяцев 1918–1919 годов сменилось три следователя, занимавшихся этим делом. Работа первых двух (Наметкина и Сергеева) была признана властями неудовлетворительной, и в начале 1919 года дело принял к своему производству следователь Н.А. Соколов. Волею обстоятельств, это уголовное дело стало для Соколова тяжким крестом, который он нес всю оставшуюся жизнь. Крест возвышается над его могилой на кладбище маленького французского городка. На нем надпись: «Правда Твоя – Правда во веки». Чем больше Соколов вникал в материалы уголовного дела, чем тщательнее он исследовал вещественные доказательства, чем больше он знакомился с показаниями свидетелей и обвиняемых, тем больше открывалась перед ним картина чудовищного, изуверского преступления, жертвой которого стала Царская Семья. Допросив свидетелей и обвиняемых, проведя осмотр Дома Ипатьева, пройдя пешком шаг за шагом 20 верст от Екатеринбурга до урочища Четырех Братьев на Старой Коптяковский дороге, осмотрев местность вокруг этого урочища, проведя необходимые криминалистические экспертизы, Соколов пришел к однозначному выводу, что Царская Семья была убита, трупы ее расчленены и сожжены при помощи бензина, а обугленные останки уничтожены серной кислотой. Свое представление о том, как произошло само убийство Царской Семьи, Соколов строил исходя из показаний обвиняемых П. Медведева, А. Якимова, Ф. Проскурякова. Те утверждали, что Царская Семья была расстреляна в полуподвальной комнате Дома Ипатьева ночью 17-го июля командой «латышей» под руководством коменданта Дома Особого Назначения Янкеля Юровского, лично убившего Государя. В пользу этой версии были и многочисленные следы от пуль в стенах и полу комнаты нижнего этажа и следы замывки крови. Но Соколову было не суждено довести расследование до конца. Неудача белых привела к окончанию его следовательской работы в России. Увозя с собой материалы следствия, Соколов покинул пределы России и продолжал свое расследование в эмиграции. Но, при всей тщательности расследования, Соколов не мог до конца восстановить картину преступления, так как не были арестованы и допрошены главные организаторы и исполнители убийства: Свердлов, Юровский, Голощекин, Сафаров, Войков и другие. Не были до конца изучены их заграничные связи с тайными организациями, сыгравшими, по целому ряду свидетельств, важную, а может быть и решающую роль в организации преступления. Соколов умер, лишь подойдя к изучению этой важнейшей стороны Екатеринбургского злодеяния.

Сами организаторы преступления сделали все, чтобы скрыть истинные обстоятельства убийства Царской Семьи. С первых же часов после убийства они организовали целую кампанию лжи и дезинформации, которые не изжиты до сих пор. Долгое время нас пытались уверить, что Царская Семья была расстреляна по постановлению Уральского Совета, принявшего решение, так сказать, по собственному почину, без согласия Москвы. Эта набившая оскомину ложь привела к тому, что в годы перестройки, да и в более позднее время, распространенным стало другое, не менее ошибочное мнение, что Царская Семья была убита по воле большевистского правительства, которое руководствовалось политическими соображениями. Иные даже

уверяют, что убийство Царской Семьи было осуществлено по личному приказу Ленина, который тем самым «мстил за брата».

Между тем, по нашему мнению, гибель Императора Николая II и его Семьи была духовным итогом всей жизни и деятельности последнего Самодержца и была духовно неизбежна ввиду нравственного выбора, который он сделал в начале своего царствования и которому был верен всю жизнь: верность Христу, России и долгу царского служения.

В условиях невозможности одоления духовного кризиса, в который была погружена Россия, обыкновенными материальными способами Николаю II оставался только один путь: **мученичества на престоле и принесения себя в жертву во имя спасения России.**

Святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: *«Царь у нас праведной и благочестивой жизни. Богом послан ему тяжёлый крест страданий, как своему избраннику и любимому чаду, как сказано тайновидцем судеб Божиих: "Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю (Откр. 3, 19), Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами"»*¹.

Именно эти нечестивые, жестокие и самозванные силы, воспользовавшись все большим отступничеством от христианской веры европейского общества, его безответственностью и легкомысленностью, алчностью и неразборчивостью в средствах буржуазии, в начале XX века повели мощное наступление на сами основы христианской цивилизации и христианской государственности. Эти силы стремились к мировому господству, хотя и тщательно скрывали это. Главным препятствием на пути к этому мировому господству была Православная Россия и Православный Царь. Николай II вел всю свою жизнь непримиримую войну. Эти силы рядились в одеяния различных политических партий и движений, прикрывались различной идеологией и даже прятались за маской религии. Но несмотря на разноцветье политического и идеологического камуфляжа, все эти силы были объединены одним служением – служением злу.

В XX веке, впервые в таких масштабах, влияние на мировую историю получили тайные силы, ставившие своей целью уничтожение христианства и основанной на нем европейской цивилизации. Эти силы получили название «мировой закулисы». Мы понимаем, что это название весьма условное, но иного, более точно отображающего суть этих сил определения на сегодняшний день не существует. Многие исследователи, стоящие на так называемых «патриотических» позициях, склонны называть эти силы «еврейскими», или «иудо-масонскими». На наш взгляд, это определение – весьма упрощенное и в силу своей упрощенности опасное, так как непременно связывает эту мировую закулису только с именем евреев или только с именем масонов, тогда как ни те, ни другие не определяли подлинную суть этой силы. Сила эта представляла собой антихристианский интернационал, на который работали и масоны, и всякого рода оккультные ордена, и еврейские, русские, английские, немецкие, американские изуверские секты, и часть мирового капитала, и военные стратеги, и определенная часть деятелей культуры и искусства. Все крупные потрясения XX века были вызваны этой мировой закулисой, которая использовала для достижения своих целей финансовый шантаж, политические амбиции, геополитические противоречия, националистические предрассудки и тому подобное. Средством для прихода к власти этой силы во всем мире была провозглашена «мировая революция». Причем этот термин вовсе не был образным выражением. Мировая революция началась в 1917 году и продолжается до сих пор, и главной ее целью является полное изменение человечества, которое путем глобализации и секуляризации должно быть лишено своей неповторимой личностной сути, превращено в единую безликую массу, служащую целям небольшой кучки тайных владык.

Император Николай II, и в силу своих личных свойств, и в силу того, что он был Русским Православным Царем, не мог не стать главным врагом сил мировой революции.

Пьер Жильяр очень точно выразил это мировое значение жертвы Царской Семьи: *«Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою Родину – они умерли мучениками за все человечество»*².

Следует сказать, что эту роль Удерживающего русская монархия играла на протяжении всей своей истории. При этом русские цари вполне осознавали ее. Так, еще Император Александр Благословенный писал в письме княгине Мещерской: *«Мы заняты здесь важнейшей заботой, но и труднейшей также. Дело идет об изыскании средств против владычества зла, распространяющегося с быстротою при помощи всех тайных сил, которыми владеет сатанинский дух, управляющий ими. Это средство, которое мы ищем, находится, увы, вне наших слабых человеческих сил. Один только Спаситель может доставить это средство Своим Божественным словом. Воззовем же к Нему от всей полноты, от всей глубины наших сердец, да сподобит Он послать Духа Своего Святого на нас и направит нас по удобному Ему пути, который один только может привести нас к спасению»*³.

Таким образом, русские цари противопоставляли себя не какой-либо отдельной стране или политическому деятелю, а всей совокупности сил мирового зла, стремившегося окончательно восторжествовать.

Убийство Императора Николая II и его Семьи не было вызвано интересами какой-нибудь одной политической партии или группировки, не было оно и следствием личных амбиций и эмоций. Хотя убийство Царской Семьи пришлось на время господства большевиков, замыслилось и планировалось оно еще до их прихода и было подготовлено всеми постфевральскими событиями. Мученический путь Царской Семьи был поэтапным, причем каждый этап был заранее подготовлен и спланирован ее палачами.

Поэтому убийство Царской Семьи, происшедшее ночью 17-го июля 1918 года в Ипатьевском Доме г. Екатеринбурга, является не просто преступлением, не просто умышленным убийством, но **величайшим злодеянием**, оказавшим огромное влияние на судьбы мира.

От осознания русским народом всей степени подвига Царской Семьи во многом зависит и воскрешение самой России. Святейший

Патриарх Алексей II говорил о необходимости истинного всенародного покаяния русского народа за грех цареубийства. *«Грех цареубийства, – сказал Патриарх, – происшедшего при равнодушии граждан России, народом нашим не раскаян. Будучи преступлением и Божеского, и человеческого закона, этот грех лежит тяжелейшим грузом на душе народа, на его нравственном сознании. Несколько поколений за это время успели сменить друг друга, но память о совершённом беззаконии, чувство вины за его нераскаянность не изгладилась в народе нашем. Убийство Царской Семьи – тяжкое бремя на народной совести, которая хранит сознание того, что многие наши предки посредством прямого участия, одобрения и безгласного попустительства в этом грехе повинны. Покаяние же в нем должно стать знамением единства наших людей не по форме, а по духу. И сегодня мы, от лица всей Церкви, от лица всех ее чад, усопших и ныне живущих, приносим пред Богом и людьми покаяние за этот грех. Прости нас, Господи! Мы призываем к покаянию весь наш народ...»*

Но это покаяние должно заключаться не только во внешнем почитании Царственных Мучеников. Оно не должно заключаться в биении себя в грудь или создании лубочных повествований. Нет покаяния и в пустых и праздных спорах, как именовать Святого Царя: Мучеником, или Страстотерпцем. Такие споры создают еще больший раскол в народном сознании. Истинное покаяние перед Царской Семьей заключается в том, чтобы жить и поступать так, как жила и поступала она: так же быть верным Христу, так же беззаветно любить Россию, так же ставить служение Истине выше личных амбиций, быть таким же целомудренным и чистым сердцем. Покаяние перед Царской Семьей заключается в неприятии всей той мерзости запустения, которая царит ныне в сегодняшнем мире и в нашей России. Покаяние это означает

отказ от клеветы не только на Царскую Семью, но и на всю русскую историю, на русский народ, на Православную Церковь.

Незримую связь между убиенной Царской Семьей и русским народом, между ее прославлением и воскрешением России, понимают не только верные сыны России, но и ее враги. Ибо, как хорошо сказал следователь Н.А. Соколов, *«страдания Царя – страдание России»*. Сокрытие правды о Царской Семье и, в особенности, об обстоятельствах ее убийства до сих пор является одной из главных целей сил зла по отношению к России. Вот почему нам так необходимо изучать и исследовать обстоятельства Екатеринбургского злодеяния 1918 года.

В связи с этим наш труд преследует несколько иные задачи, чем большинство других исследований, посвященных этому событию. Предыдущие авторы (Н.А. Соколов, М.К. Дитерихс, Р. Вильтон, П. Пагануци, П. Булыгин, В. Александров, Г.З. Иоффе, Ю.А. Буранов и В.М. Хрусталеv, В.И. Прищеп и А.Н. Александров, Н. Росс, С.В. Фомин, О.А. Платонов, И.Ф. Плотиных и другие), чей вклад в изучение темы Екатеринбургского злодеяния колоссален, ставили своей задачей доказать сам факт убийства Царской Семьи, восстановить картину убийства и его детали¹. При этом большое внимание, особенно в последнее время, уделялось конкретным исполнителям, местонахождению приговоренных в подвальной комнате Дома Ипатьева и т. д. При этом как аксиома принималось утверждение, что Царская Семья была убита с использованием огнестрельного оружия, то есть расстреляна. В основе этой аксиомы лежали выводы следствия и воспоминания людей, считавшихся участниками убийства. В связи с этим суть последних работ об убийстве Царской Семьи сводилась к дискуссиям об организаторах преступления, уточнению и детализации обстоятельств убийства и уничтожения (сокрытия) тел. При этом большинство исследователей приходило к выводу, что убийство Царской Семьи носило политический характер и было осуществлено большевиками по политическим мотивам. Споры, в основном, ведутся вокруг того, кто принял решение об убийстве: Москва или Екатеринбург.

Наша задача несколько иная. Мы открыто заявляем, что нам до конца неизвестны ни обстоятельства убийства Царской Семьи, ни его исполнители. Слова большевика П. Войкова *«мир никогда не узнает, что мы с ними сделали»* до сих пор не утратили свою актуальность. Поэтому наш труд следует рассматривать как одну из версий преступления.

Цель нашего труда показать, что убийство Царской Семьи было давно и тщательно спланированным актом, причем спланированным силами, по сути, не относящимися ни к одному политическому движению России, хотя они в них и присутствовали. Характер этих сил до сих пор остается малоизученным, но сам факт их существования – бесспорен. **Убийство Царской Семьи имело характер не только политического или уголовного акта, оно имело сакральные и духовные причины, подлинная суть которых остается тайной.** Именно с этих позиций мы рассматриваем версию ритуального убийства. Тема ритуального убийства Царской Семьи у многих исследователей, да и у обывателей, вызывает чувство отторжения, хотя сам факт существования ритуальных убийств признается сегодня и правоохранительными органами, и общественностью. Причины такого отторжения заключаются, с одной стороны, в навязывании отрицательных стереотипов, определяющих любые попытки исследования темы ритуального убийства Царской Семьи как «ненаучные» домыслы, вызванные «антисемитскими» предрассудками; с другой стороны, в упрощении темы, сведению ее к «еврейскому ритуальному убийству».

В своей работе мы стараемся уйти как от первой, так и от второй крайностей. Не стоит даже и говорить, что изучение версии ритуального убийства не имеет под собой ничего общего с «антисемитизмом» и любыми примитивными формами объяснения таких страшных и сложных преступлений.

¹ Псевдонаучные произведения, утверждающие, что Царская Семья была «спасена» и «похищена», мы не считаем нужным упоминать. – П.М.

В своем исследовании мы стараемся руководствоваться только фактами и анализом имеющихся источников. Естественно, из-за специфики исследуемого вопроса некоторые источники, а также выводы автора могут показаться читателю неожиданными. Но при внимательном прочтении нашей книги читатель сможет убедиться, что это вызвано тем, что эти источники долгое время не принимались во внимание большинством исследователей. До сих пор никто не задавался вопросом: а соответствует ли реальности та картина преступления, которая до сих пор считается единственно верной? Ведь до сих пор версия убийства Царской Семьи основывалась исключительно на показаниях и воспоминаниях участников преступления. Между тем любой правовед знает, что показания соучастников преступления даже друг против друга не могут считаться доказательствами, если они не подкреплены показаниями других свидетелей или наличием вещественных доказательств. Проведенный нами анализ этих показаний и воспоминаний соучастников преступления позволил нам усомниться в их правдивости. Надеемся, что сможем убедить в этом и читателей.

Мы считаем также своим долгом обозначить еще одно обстоятельство, с которым читатель столкнется, читая нашу книгу: в своем повествовании мы будем придерживаться версии следователя Н.А. Соколова, а не версии Правительственной Комиссии РФ. И дело здесь не в безоговорочном неприятии всей той большой работы, которую проделала эта комиссия, и не в желании в очередной раз затеять спор о подлинности «екатеринбургских останков». Просто та версия убийства Царской Семьи, которую мы излагаем, имеет право на существование только в рамках выводов следствия Соколова. Что же касается «мостика под шпалами» и найденных там останков девяти человек, то дело это весьма сложное и запутанное, намного сложнее, чем представляется многим. Обстоятельства этого захоронения, равно как и его обнаружения, требуют большой и обстоятельной, а главное, доброжелательной работы.

В заключение мы просим прощения у читателя за несколько длинное цитирование отдельных документов, юридических определений, исторических источников, которые были нужны автору исключительно для исследования выдвигаемой им версии.

* * *

¹ Николай Второй: венец земной и небесный. М., 1999, с. 88.

² Жильяр П. Император Николай II и его Семья. Вена, 1921.

³ Русский дом. 2004, № 11, с. 5.

Часть 1

Крестный путь

Глава 1

Псковская Гефсимания

*Авва Отче! Все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты.
(Евангелие от Марка, гл. 14, 36).*

Обстоятельства, при которых Император Николай Александрович подписал так называемое «отречение» от престола, до сих пор покрыты завесой тайны. До сих пор недоброжелатели Николая II, и даже многие, ему сочувствующие, ставят в вину последнему Царю сам факт «отречения». Так, например, О.А. Платонов пишет об «отречении»: *«Жертва Царя оказалась для России напрасной и, более того, гибельной, ибо само государство стало жертвой измены»*¹.

До сих пор бытует и другая версия происшедшего, суть которой выразил А.А. Блок, сказавший: *«Отрекся, как будто эскадрон сдал»*. Таким образом «отречение» вырывается из общего контекста всех предшествующих событий и превращается в личный почин «слабого» Царя. *«Все разговоры, – справедливо пишет А.Н. Боханов, – "правильно" или "неправильно" поступил Николай II, когда отрекался от престола, возможны лишь в том случае, если эту тему вырвать из конкретных исторических обстоятельств времени и места»*².

Мы, ограниченные рамками настоящего труда, не можем подробно рассматривать это событие. Нас оно интересует только в силу того обстоятельства, что произошедшее в Пскове 2 марта 1917 года стало началом Крестного пути Царя-Мученика, закончившегося в Екатеринбурге.

Чем ближе приближался роковой 1917 год, тем мрачнее становились тучи над Царем и Россией, тем больше было знамений, предсказывающих скорое мученичество Царя за Россию. Еще в 1915 году с Государем произошел потрясающий по своей глубине случай. Это было во время посещения Императором Николаем II Севастополя. Царь внезапно захотел посетить Георгиевский монастырь, находившийся на скале. Граф Д.С. Шереметьев вспоминал: *«Внизу шумел прибой морских волн, ритмически набегая и сбегая и с шелестом увлекая с собой прибрежные гальки, и в этом однообразном и постоянном шуме чувствовалась и вечность, и суета всего земного, и что-то до того грустное и жуткое, что невольно слезы навертывались на глаза. Несмотря на высоту места, где стояли храм и монастырские кельи, морской ветер достигал до ступенек храма и в лицо дышал соленой влагой, и в сумерках летнего дня обрамленное мрачными темными скалами, точно в раме справа и слева, это глухо шумевшее, действительно черное, темное море жило, тяжело дышало и вздымалось точно какое-то живое существо. И что-то во всем чувствовалось дикое, неотвратимое и неизбежное»*.

Мы вошли в церковь, и начался молебен. Стройные голоса монахов сразу изменили настроение, словно мы вошли после бури в тихий залив, как говорится в словах молитвы – в тихое пристанище. Все было так молитвенно проникновенно и тихо...

Вдруг за дверьми храма, весьма небольших размеров, раздался необычный шум, громкие разговоры и странная суматоха – одним словом, что-то совершенно не отвечавшее ни серьезности момента, ни обычному чинному распорядку. Государь удивленно повернул голову, недо-

вольно насунул брови и, подозвав меня к себе жестом, послал узнать, что такое произошло и откуда это непонятное волнение и переешептывание.

Я вышел из храма, и вот что я узнал от стоявших монахов: в правых и левых скалах, в утесах, живут два схимника, которых никто из монахов не видел. Где они живут, в точности неизвестно, и о том, что они живы, известно только потому, что пища, которая им кладется на узкой тропинке в скалах над морем, к утру бывает взята чьей-то невидимой рукой. Никто с ними ни в каких сношениях не бывает, и зимой, и летом они живут в тех же пещерах.

И вот произошло невероятное событие, потрясшее и взволновавшее всех монахов монастыря: два старца в одеждах схимников тихо подымались по крутой лестнице, ведущей со стороны моря. О прибытии Государя в монастырь им ничего не могло быть известно, ибо и сам игумен, и братия – никто не знал о посещении Государя, совершить которое было решено внезапно, в последнюю минуту. Вот откуда волнение среди братии. Я доложил Государю и видел, что это произвело на него впечатление, но он ничего не сказал, и молебен продолжался.

Когда кончился молебен, Государь и Императрица приложились ко кресту, потом побеседовали некоторое время с игуменом и затем вышли из храма на площадку, которая идет вроде бульвара с резко обрывающимся скатом к морю.

Там, где кончалась деревянная лестница, стояли два древних старца. У одного была длинная белая борода, другой был с небольшой бородкой, с худым строгим лицом. Когда Государь поравнялся с ними, они оба молча поклонились ему в землю. Государь, видимо, смутился, но ничего не сказал и, медленно склонив голову, им поклонился.

Я думал, что Государь, взволнованный происшедшим, сядет в автомобиль и уедет, но вышло совсем другое. Государь совершенно спокойно подозвал к себе игумена и сказал ему, что он желает пройти с ним пешком на ближайший участок земли, принадлежащий казенному ведомству, и что он дает его в дар для устройства странноприимного дома для богомольцев. <...> Меня, как всегда, поразило его поистине изумительное спокойствие и как-то невольно кольнула мысль, что означает этот странный молчаливый поклон в ноги.

Теперь, после всего происшедшего, думается, не провидели ли схимники своими мысленными очами судьбу России и Царской Семьи и не поклонились ли они в ноги Государю Николаю II как Великому Страдальцу земли русской?»³

В декабре 1916 года Императрица Александра Феодоровна посетила Новгород. При посещении города, она выразила желание осмотреть Десятинный монастырь. Там она посетила 107-летнюю старицу Марию Михайловну. Увидев Императрицу, старица несколько раз повторила ей: «Ты, красавица, тяжкого креста не страишься...»⁴

Говоря о мартовских событиях 1917 года, следует сказать, что они стали заключительным этапом заговора, который созрел против Императора Николая II в недрах «прогрессивного блока» Государственной Думы, определенных кругов высшего генералитета, масонских лож и представителей правящих кругов стран Антанты. Заговор этот стал результатом долгих лет противостояния русских общественных, либеральных и революционных сил и Царской власти. Начиная со второй половины 1916 года вокруг Царя, полностью поглощенного руководством войсками и стремлением выиграть войну, собирается окружение, которое либо ему откровенно враждебно, либо равнодушно. «Государь чувствовал, что может доверять лишь немногим из своего окружения», – писал великий князь Кирилл Владимирович⁵. По существу, Царь мог доверять только самому верному человеку – Императрице Александре Феодоровне, уповая на милость Божию. Когда великий князь Александр Михайлович, в очередной раз, начал советовать Николаю II пойти на уступки думской оппозиции и провести «либеральные» преобразования, он заметил, что в глазах Царя «появились недоверие и холодность. За всю нашу сорокаодналетнюю дружбу я еще никогда не видел такого взгляда. – Ты, кажется, больше не

доверяешь своим друзьям, Ники? – спросил я его полушутливо. – Я никому не доверяю, кроме жены, – ответил он холодно, смотря мимо меня в окно»⁶.

Тот же великий князь Александр Михайлович совершенно верно писал о той атмосфере политиканства, которая царила в русском обществе: *«Политиканы мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск. Мне приходилось по моей должности часто бывать в Петербурге, и я каждый раз возвращался на фронт с подорванными моральными силами и отравленным слухами умом. "Правда ли, что Царь запил?" "А Вы слышали, что Государя пользует какой-то бурят, и он прописал ему монгольское лекарство, которое разрушает мозг?" "Известно ли Вам, что Штюмер, которого поставили во главе нашего правительства, регулярно общается с германскими агентами в Стокгольме?" "А Вам рассказали о последней выходке Распутина?" И никогда ни одного вопроса об армии! И ни слова радости о победе Брусилова! Ничего, кроме лжи и сплетен, выдаваемых за истину только потому, что их распускают высшие придворные чины»*⁷.

Возмущение великого князя понятно, непонятно только, почему он, вместо того чтобы решительно пресечь подобную зловредную болтовню и немедленно организовать ей противодействие, отправляется на фронт *«с подорванными моральными силами и отравленным слухами умом»*.

*«В целом ситуация создавала ощущение, – писал великий князь Кирилл Владимирович, – будто балансируешь на краю пропасти или стоишь среди трясины. Страна напоминала тонущий корабль с мятежным экипажем. Государь отдавал приказы, а гражданские власти выполняли их несвоевременно или не давали им хода, а иногда и вовсе игнорировали их. Самое печальное, пока наши солдаты воевали, не жалея себя, люди в чиновничьих креслах, казалось, не пытались прекратить растущий беспорядок и предотвратить крах; между тем агенты революции использовали все средства для разжигания недовольства»*⁸.

В обществе, в оппозиции и даже в армии открыто обсуждали возможность Цареубийства. Профессор Ю.В. Ломоносов, бывший во время войны высоким железнодорожным чиновником и «по совместительству» сторонником революции, писал в своих воспоминаниях: *«Удивительно то, что, насколько я слышал, это недовольство было направлено почти исключительно против Царя и особенно Царицы. В штабах и в Ставке Царицу ругали нещадно, поговаривали не только о ее заточении, но даже о низложении Николая. Говорили об этом даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода, наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»*⁹.

То же самое пишет Мельгунов: *«Речь шла о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и Цареубийства»*¹⁰.

Милюков говорил *«о принудительном отречении Царя и даже более сильных мерах»*¹¹.

С конца 1916 года до Императора начинают доходить все усиливающиеся слухи о готовящемся против него заговоре. Одним из главных деятелей этого заговора был А.И. Гучков. *«Из показаний А.И. Гучкова ЧСК, – пишет С.П. Мельгунов, – стало известно о заговоре, который перед революцией организовал Гучков. По его словам, план был таков: "захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом Императорский поезд, вынудить отречение, затем, одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было бы рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят правительство"»*¹². Как мы видим, сценарий переворота совпал с реальными событиями.

Об участии Гучкова в заговоре пишет и Милюков: *«Грядом стояли люди – и число их быстро увеличивалось, – которые надеялись предупредить стихийную революцию дворцовым переворотом, с низложением царской четы. Из них я уже указывал Гучкова»*¹³. «Прогрессив-

ный блок» согласился с планом Гучкова. Тот же Милюков пишет: *«Блок исходил из предположения, что при перевороте так или иначе Николай II будет устранен с престола. Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство до его совершеннолетия – великому князю Михаилу Александровичу. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю. <...> Говорилось в частном порядке, что судьба Императора и Императрицы остается при этом нерешенной – вплоть до вмешательства "лейб-гвардейцев", как это было в 18 в.; что у Гучкова есть связи с офицерами гвардейских полков, расквартированных в столице и т. д. Мы ушли в полной уверенности, что переворот состоится»¹⁴.*

Разумеется, что «заговор Гучкова» не был плодом исключительно его инициативы, как он пытался это представить в эмиграции, когда он утверждал, что такие лидеры оппозиции, как Родзянко и Милюков, говорили о «безнравственности организации государственного переворота в военное время». Эти утверждения Гучкова расходятся с высказываниями последних.

Вот что, например, писал впоследствии Милюков: *«Конечно, мы должны признать, что ответственность за совершающееся лежит на нас, то есть на блоке Государственной Думы. Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянет пролетариев, но она проклянет и нас, вызвавших бурю»¹⁵.*

За Гучковым и его сподвижниками незримо стоял масонский «Великий Восток Народов России» (ВВНР), дочерняя ложа «Великого Востока Франции». Меншевик и член Верховного совета ВВНР Н.С. Чхеидзе писал: *«Переворот мыслился руководящими кругами в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая II и замены его. Кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила. В этот период Верховным Советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к перевороту. Помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые осуществлялись по прямому поручению Верховного Совета. Помню сборы денег для такого переворота»¹⁶.*

«В результате ряда организованных единым масонским центром совещаний оппозиционных деятелей, – пишет В.С. Брачев, – был разработан общий план захвата царского поезда во время одной из поездок Николая II из Петербурга (так в тексте. – П.М.) в Ставку или обратно. Арестовав Царя, предполагалось тут же принудить его к отречению от престола в пользу Царевича Алексея при регентстве Михаила Александровича и к введению в стране конституционного строя»¹⁷.

О ведущей роли масонов в кадетско-либеральном заговоре пишет и Г.М. Катков: *«Подготовка государственного переворота, имеющего целью устранение Николая II, – вот та область, в которой масоны сыграли наиболее заметную роль»¹⁸.*

Особую опасность для Императора представлял тот факт, что с середины 1916 года думско-масонские заговорщики устанавливают тесные связи с высшим генералитетом Ставки, в частности, с генералами Алексеевым, Брусиловым и Крымовым и вовлекают последних в свои планы. Впрочем, участие некоторых представителей генералитета в думской деятельности наблюдалось давно. «Связь Думы с офицерством, – писал генерал А.И. Деникин, – существовала давно. Работа комиссии государственной обороны в период воссоздания флота и реорганизации армии после японской войны протекала при деятельном негласном участии офицерской молодежи. А.И. Гучков образовал кружок, в состав которого вошли Савич, Крупенский, граф Бобринский и представители офицерства, во главе с генералом Гурко. По-видимому, к

кружку примыкал и генерал Поливанов, сыгравший впоследствии такую крупную роль в развале армии»¹⁹.

Один из самых главных и активных врагов Императора Николая II, А.И. Гучков хорошо понимал всю необходимость установления контроля над армейской верхушкой для успеха государственного переворота. Гучков открыто сказал об этом еще до войны, во время своего пребывания во Франции. *«В 1905 году, – заявил он, – революция не удалась потому, что войско было за Государя... В случае наступления новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне; поэтому я исключительно занимаюсь военными вопросами и военными делами, желая, чтобы, в случае нужды, войско поддерживало более нас, чем Царский Дом»²⁰.*

Слова Гучкова не были пустым звуком. Им и его единомышленниками была проделана огромная работа по вовлечению армейской верхушки в антицарский заговор. *«Незадолго до Февральской революции, – писал Н. В. Некрасов в своих показаниях НКВД СССР, – начались и росли связи с военными кругами. Была нацупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг А.И. Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других), и с нею завязалась организационная связь»²¹.*

Неслучайно Февральскую революцию иногда называют «революцией генерал-адъютантов», намекая на ту решающую роль, которую сыграл генералитет в государственном перевороте зимы 1917 года. Адмирал Бубнов писал: *«Верховное командование, несомненно, знало о нарастании революционного настроения в столице. Об этом его постоянно осведомляли тревожные донесения Охранного отделения, в которых прямо говорилось, что близится революция. То, что генерал Алексеев не предусмотрел столь очевидной опасности, как революция, которая угрожала его оперативному замыслу, и не принял против этого соответствующих мер, значительно умаляет его полководческие способности и лежит на его ответственности»²².*

Правящие круги Антанты фактически поддерживали этот объединенный заговор. В мае 1916 года Европу посетила русская парламентская делегация во главе с Милюковым. Жан-дармский генерал А.И. Спиридович сообщал, что им получены оперативные данные о том, что *«во время посещения некоторых стран кое-кто из депутатов получил руководящие указания от масонского центра с обещанием моральной поддержки в борьбе с правительством».* Это, по мнению Спиридовича, и определило начало активной борьбы с ним левой оппозиции в конце 1916 года²³.

Начиная с конца декабря 1916 года, Император все больше узнает о поддержке правящими кругами Англии и Франции думских и великокняжеских оппозиционеров.

Правящие круги Англии и Франции были крайне недовольны и обеспокоены тем, что Императорская Россия, которая, как им казалось, была настолько ослаблена в 1915 году, что только и могла служить Антанте пушечным мясом и оттягивать с Западного фронта германские дивизии, оправилась от поражений и в кампании 1916 года взяла инициативу в свои руки. Становилось ясно, что 1917 год станет годом новых русских побед. А это, в свою очередь, означало конец победоносной войны, в которой главным победителем станет Россия. Главным гарантом этой победы был Император Николай II, не очень обольщавшийся истинными намерениями своих союзников. Еще в 1914 году, на призывы Англии и Франции воевать до «последней капли крови», Государь заметил в близком кругу: *«Они не кончают своей угрозы: прибавили бы – до последней капли русской крови. Они, по-видимому, так понимают эту войну»²⁴.*

Воейков вспоминает о впечатлении, которое произвела на него встреча с английским и французским послами во время новогоднего приема 1917 года в Царском Селе: *«На этом приеме послы – Бьюкенен и Палеолог – были неразлучны. На их вопрос о вероятном сроке окончания войны, я ответил, что, на мой взгляд, состояние армии настолько поднялось и улучшилось, что если ничего непредвиденного не произойдет, то с началом военных операций можно*

ожидать скорого и благополучного исхода кампании. Они мне ничего на это не ответили; но обменялись взглядами, которые на меня произвели неприятное впечатление»²⁵.

Генерал Спиридович вспоминал, что во время новогоднего Высочайшего приема, «принимая поздравления дипломатов, Государь очень милостиво разговаривал с французским послом Палеологом, но, подойдя к английскому послу Бьюкенену, сказал ему, видимо, что-то очень неприятное. Близстоящие заметили, что Бьюкенен был весьма смущен и даже сильно покраснел. На обратном пути в Петроград Бьюкенен пригласил к себе в купе Мориса Палеолога и, будучи крайне расстроенным, рассказал ему, что произошло во время приема. Государь заметил ему, что он, посол английского короля, не оправдал ожиданий Его Величества, что в прошлый раз на аудиенции Государь упрекал его в том, что он посещает врагов Монархии. Теперь Государь исправляет свою неточность: Бьюкенен не посещает их, а сам принимает их у себя в посольстве. Бьюкенен был и сконфужен, и обескуражен. Было ясно, что Его Величеству стала известна закулисная игра Бьюкенена и его связи с лидерами оппозиции»²⁶.

А.А. Вырубова пишет: «Государь заявил мне, что он знает из верного источника, что английский посол сэр Бьюкенен принимает деятельное участие в интригах против Их Величеств и что у него в посольстве чуть ли не заседания с великими князьями по этому поводу»²⁷.

В январе 1917 года в Петроград, на открывавшуюся здесь союзническую конференцию, прибыла комиссия в лице представителей Англии, Франции и Италии. Английскую делегацию возглавлял лорд А. Мильнер. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж не скрывал своих надежд, что конференция «может привести к какому-нибудь соглашению, которое поможет выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента»²⁸.

Целью визита Мильнера было заставить Императора Николая II допустить к власти подконтрольную Антанте оппозицию и ввести своих прямых агентов в Ставку. В случае, если Император откажется выполнять эти требования, Мильнер должен был скоординировать действия масонских заговорщиков Думы. Уже после февральского мятежа ирландский представитель палаты общин прямо указывал на Мильнера как на организатора русской революции: «Наши лидеры поздравляют кого? Преуспевших мятежников! Они послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице»²⁹.

Во время своего визита Мильнер встретился с председателем Военно-промышленного комитета Думы А.И. Гучковым, князем Г.Е. Львовым, председателем Государственной Думы М.В. Родзянко, генералом А.А. Поливановым, бывшим министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, английским послом Дж. Бьюкененом, лидером кадетов И.И. Милюковым. В результате Царю были предъявлены следующие требования:

1. Введение в Штаб Верховного Главнокомандующего союзных представителей с правом решающего голоса.
2. Обновление командного состава армии в согласовании с державами Антанты.
3. Введение ответственного министерства.

На эти требования Император ответил отказом по пунктам.

По пункту 1: «Излишне введение союзных представительств, ибо Своих представителей в союзные армии, с правом решающего голоса, вводить не предполагаю».

По пункту 2: «Тоже излишне. Мои армии сражаются с большим успехом, чем армии Моих союзников».

По пункту 3: «Акт внутреннего управления подлежит усмотрению Монарха и не требует указаний союзников»³⁰.

В том же духе был выдержан ответ Государя и английскому послу Бьюкенену, который во время аудиенции позволил себе обсуждать дела внутреннего устройства Российской импе-

рии. Причем Бьюкенен недвусмысленно дал понять, что, если Император не пойдет на английские требования, его ждет революция и даже, возможно, гибель. Бьюкенен сказал: *«За неделю до убийства Распутина я слышал о предстоящем покушении на его жизнь. Я считал эти слухи пустой сплетней, но, тем не менее, они оказались верными. Поэтому я и сейчас не могу оставаться глухим к доходящим до меня слухам об убийствах, замышляемых, как говорят, некоторыми экзальтированными личностями. А раз такие убийства начнутся, то нельзя сказать, где они кончатся»*³¹.

Отрицательный ответ Николая II на фактический ультиматум союзников привел к тому, что в правящих кругах Антанты было решено оставить путь дипломатического давления и перейти к открытой поддержке заговора против Царя.

В конце декабря 1916 года к Николаю II явился герцог А.Г. Лейхтенбергский и умолял его потребовать от членов Дома Романовых вторичной присяги. В то же время Н.Н. Тиханович-Савицкий, член Союза Русского Народа из Астрахани, через Вырубову добился аудиенции у Императрицы Александры Феодоровны, на которой уверял ее, что у него есть неопровержимые доказательства об *«опасной пропаганде, которая ведется союзами земств и городов с помощью Гучкова и Родзянко и других в целях свержения с престола Государя»*³².

В ноябре 1916 года кружок сенатора А.А. Римского-Корсакова через князя Н.Д. Голицына подал Императору Николаю II «Записку», в которой предупреждал о грозящей Государю опасности государственного переворота. «Записка» начиналась следующими словами: *«Так как в настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная Дума, при поддержке так называемых общественных организаций, вступает на явно революционный путь, ближайшим последствием чего по возобновлении ее сессии явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же готовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд определенных и решительных мероприятий, ведущих к подавлению мятежа»*³³.

Правые предлагали осуществить ряд решительных мер: распустить Государственную Думу без указания даты ее созыва, назначить в правительство только верных самодержавию лиц, ввести военное положение в столице, закрыть все органы левой печати, провести милитаризацию всех заводов, работающих на оборону³⁴. Император Николай II написал на полях этой записки: *«Записка, достойная внимания»*³⁵.

Поступали предупреждения и от простого люда. Как-то в конце 1916 года к Александровскому дворцу подошел один старик-крестьянин и попросил встречи с Государем. Его провели к дежурному флигель-адъютанту, и крестьянин рассказал, что против Царя готовится заговор. *«Задумалось дурное дело, – говорил он. – Хотят погубить Царя-Батюшку, а Царицу-Матушку и деток спрятать в монастырь. Сговаривались давно, а только решено это начать сегодня. Схватят сначала Царя и посадят в тюрьму, и вас, кто возле Царя, и главное начальство тоже посадят в тюрьму. Только пусть Царь-Батюшка не беспокоится. Мы его выручим. Нас много»*³⁶.

О старике было доложено Государю. Тот принял крестьянина, обласкал, успокоил и отпустил.

Таким образом, Император был хорошо осведомлен о готовящемся перевороте, хотя и не знал о готовности военной верхушки поддержать переворот. Царь полагал, что государственный переворот невозможен, так как ему верна армия. Следует признать, что тактика Царя имела свою логику: балансируя на тонкой дорожке над пропастью революции, Николай II надеялся пройти по ней осторожными и медленными шагами, считая главной целью победу в войне. Н.Н. Яковлев, в творчестве которого интересные открытия сочетаются с сильным влиянием большевистской агитации, писал в своей книге: *«А Царь? Что же он? Почему не сле-*

дует советам Императрицы, да не ее одной? Что он так "кроток"? <...> Почему он медлил на рубеже 1916–1917 годов? Частично, вероятно, потому, что не верил в близкую революцию, да и не ставил высоко "революционеров" поневоле, типа Милюкова, с которым звала расправиться Царица. Главное заключалось в том, что Самодержец полагал, – время подтвердить его волю еще не настало. Он видел, что столкновение с оппозицией неизбежно, знал о ее настроениях (служба охраны не давала осечки и подробно информировала Царя), но ожидал того момента, когда схватка с лидерами буржуазии произойдет в иных, более благоприятных для царизма условиях. Николай II говорил перед доверенными людьми – бывшим губернатором Могилева (где была Ставка) Пильцем и Щегловитовым: нужно повременить до начала весеннего наступления русских армий. Новые победы на фронтах немедленно изменяют соотношение сил внутри страны и оппозицию можно будет сокрушить без труда. С чисто военной точки зрения надежды Царя не были необоснованны. Как боевой инструмент русская армия не имела себе равных, Брусиловский прорыв мог рассматриваться как пролог к победоносному 1917 году»³⁷.

Собственно это подтверждает и Императрица Александра Феодоровна, которая в письме мужу от 16 декабря 1916 года писала: «Многие будут вычеркнуты из будущих придворных списков – они узнают по заключении мира, что значило во время войны не стоять за своего Государя!»³⁸.

Но неправильно было бы полагать, что Император Николай II предполагал только пассивное сопротивление.

«Целый ряд признаков, – пишет А. Степанов, – свидетельствует о том, что Император Николай II не только реагировал на обращения правых государственных и общественных деятелей, но что у Государя был конкретный план переустройства государственного механизма на началах неограниченного самодержавия. Но для осуществления контрреволюционных мер Государю нужно было время. Не стоит забывать, что Он был еще и Верховным Главнокомандующим и основное время уделял решению военных вопросов»³⁹.

Трудно согласиться со Степановым, что Николай II собирался проводить в условиях войны контрреформу государственной власти, да еще в смысле возвращения к неограниченному самодержавию, но то, что он собирался сокрушить революцию и заговорщиков, – несомненно. Среди мер, которые предполагал осуществить Император, были: 1) формирование однородно-правого правительства, 2) роспуск Государственной Думы до окончания войны. Видимо, этим было вызвано его возвращение в Царское Село из Ставки 19 декабря 1916 года. Поводом для возвращения Государя послужило зверское убийство Г.Е. Распутина, совершенное представителями высшей аристократии. Но приезд Государя был вызван не только стремлением разобраться в этом преступлении.

Убийство Распутина было первой ступенью государственного переворота, и Николай II это сразу понял. Глеб Боткин вспоминал, что после убийства Распутина Государыня говорила его отцу, лейб-медику Е.С. Боткину: «Я совершенно одна. Его Величество на фронте, а здесь у меня нет никого, кому я могла бы доверять. Что самое ужасное в этом известии, которое я получила от полиции, это то, что после убийства нашего Друга, выяснилось, что это только начало. После него они планируют убить Анну Вырубову и меня. Я не могу утешаться. Дмитрий, которого я любила, как своего сына, покушается на мою жизнь. И Юсупов, несмотря на то, что получил столько добра от Императора! Это – ужасно!»⁴⁰

Тот же Г.Е. Боткин приводит еще один разговор отца с офицером Генштаба капитаном Сухотиным, родным братом поручика С.М. Сухотина, одного из убийц Распутина: «Сухотин, указывая пальцем на портрет Императора, стоявшего на бюро моего отца, сказал: "Что я хочу знать, так это то, о чем думает этот человек! Это он ответственен за все, что происходит! Что касается меня, то я успокоюсь только тогда, когда увижу Царя, ведомого

народом, чтобы казнить на торговой площади!". "Вы считаете, что революция возможна?" – спросил я его. Сухотин злоеце ухмыльнулся. "Вы хотите, что бы я занялся предсказаниями?" – спросил он. Я сказал, что – да. "Ну, хорошо. Революция произойдет в феврале 1917 года", – ответил он»⁴¹.

Весьма интересно, что в тот же день, 17 декабря 1916 года, на имя Царя из Самары поступило анонимное письмо, текст которого говорит сам за себя: *«Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Второму в г. Могилеве – в ставке – очень нужное, передать скорее. Самодержцу, кровопийце, царю-хулигану, извергу народному, царшике Николаю II. Мерзавец ты, Николушка, паршивый царшика. Знай, хулиган царшика Николушка, что гибель будет тебе, кровопийце, виновнику всемирного пожара – войны, губителя народов, смерть и уничтожение твоему семейству. Твое государство будет разрушено, покорено, уничтожено, а ты сам со своим иродовым семейством будете растерзаны, уничтожены твоим же стражущим народом. Смерть и гибель тебе, царшика Николай Второй»⁴².*

Хотя письмо было анонимным, но его содержание, дышащее сатанинской злобой и в деталях предрекающее будущее Екатеринбургское злодеяние, без труда указывает нам на подлинных авторов этого письма.

В тот день, когда тело Распутина доставали из Невы, царский поезд остановился на перроне Императорского железнодорожного павильона в Царском Селе. Здесь, в Царском Селе, Государь собирался остаться надолго, вплоть до весеннего наступления на фронте, и всю свою деятельность сосредоточил на организации подавления заговора. Император удалил из правительства целый ряд министров, которые были связаны с думской оппозицией. *«Государь взял на Себя руководство общим положением, – пишет С.С. Ольденбург. – Прежде всего, необходимо было составить правительство из людей, которым Государь считал возможным лично доверять. Опасность была реальной. Убийство Гаспутина показало, что от мятежных толков начинают переходить к действиям. Оценка людей поневоле становилась иной. Люди энергичные и талантливые могли оказаться не на месте, могли принести вред, если бы они оказались ненадежными»⁴³.*

В правительство пришли люди правого толка и, как полагал Государь, ему лично преданные: председатель Совета Министров князь Н.Д. Голицын, министр юстиции Н.А. Добровицкий, военный министр генерал М.А. Беляев, министр народного просвещения сенатор Н.К. Кульчицкий, внутренних дел А.Д. Протопопов и другие.

Особенно сложным представлялся для Николая II роспуск Государственной Думы. Царь понимал, что любые репрессивные превентивные действия по отношению к Думе, без коренных изменений на фронте, вызовут такую волну негодования, что могут привести к серьезным потрясениям, которые недопустимы во время тяжелой войны. Роспуск Думы мог привести к недовольству и протестам со стороны демократических союзников России по Антанте, к бойкоту царского решения со стороны промышленных кругов, чьи представители входили в различные думские комитеты, а это уже могло больно ударить по обороноспособности России. Перед Николаем II вставала дилемма: либо поставить на первое место укрепление власти путем резких и раздражающих действий и тем самым мешать войне с внешним врагом, либо, несмотря ни на что, стремиться в первую очередь к победе над внешним врагом, как бы не обращая внимания на врагов из Думы.

Тем не менее Император твердо шел к роспуску Государственной Думы и полному отстранению думской оппозиции от власти. Николай II берет под полный контроль Государственный Совет, во главе которого становится верный Царю человек – И.Г. Щегловитов. *«Может сложиться впечатление, – пишет А. Степанов, – что попытки предотвратить революцию были запоздалыми. Однако если попытаться представить себе ту ситуацию изнутри, то можно смело утверждать, что Государь начал действовать своевременно, план Его дей-*

ствий весьма удачно вписывался в предполагаемый ход развития событий. Дело в том, что по прогнозам военных стратегов мировая война должна была завершиться в 1917 году капитуляцией Германии и ее союзников. Победа, несомненно, привела бы к подъему народного духа, одушевила бы общество, которое, несомненно, увязало бы ее с личностью Монарха, что привело бы к подъему монархических чувств. На этом фоне реформа государственного устройства прошла бы без сучка и задоринки»⁴⁴.

Большая доля ответственности за нерешительность и дезинформацию Государя лежит на министре внутренних дел Протопопове. Изучение мотивов этой деятельности еще предстоит провести будущим исследователям. Но несомненен факт, что Протопопов вольно или невольно способствовал революции. 27 января 1917 года начальник корпуса жандармов генерал-майор Глобачев докладывал Протопопову, что Гучков и Коновалов готовят государственный переворот. При этом ему был известен состав предполагаемого мятежного правительства, который, за исключением Керенского, полностью совпал с будущим составом Временного правительства. Глобачев докладывал, что авангардом тучковского заговора является так называемая рабочая группа Военно-промышленного комитета Государственной Думы, которая ведет подрывную работу среди рабочих и напрямую призывает к мятежам. Глобачев настаивал на том, что следует немедленно арестовать Гучкова, Коновалова и представителей рабочей группы. Но Протопопов, не хотевший портить отношения с Государственной Думой, дал приказ арестовать только членов рабочей группы. Совершенные при их аресте обыски явно доказывали связь этой группы с Гучковым. Протопопов громогласно объявлял на каждом шагу, что он раздавил революцию, то же самое он сообщил Государю. Между тем главари заговора, Гучков и его сторонники, не были арестованы. Протопопов уверял Царя, что этого делать не надо, так как опасность миновала, а аресты видных думских деятелей только осложняют отношения власти и Думы.

Тем не менее 8 февраля 1917 года Император Николай II поручает Н.А. Маклакову подготовить проект указа о роспуске Государственной Думы. 9 февраля Маклаков пишет Государю: *«Надо, не теряя ни минуты, крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти, для того чтобы встретить все современные осложнения, на которые Дума и союзы, несомненно, толкнут часть населения в связи с роспуском Государственной Думы, подготовленным, уверенным в себе, спокойным и неколеблющимся. Власть больше, чем когда-либо, должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего»⁴⁵.*

Маклаков выступает в Государственной Думе и обличает либералов в подготовке государственного переворота. Общество, заявил он, *«делает все для войны, но для войны с порядком, все для победы, но для победы над властью»⁴⁶.*

Царь оставил главе правительства князю Голицыну подготовленные указы Сенату о роспуске Государственной Думы. В них только не была проставлена дата. Текст указа гласил: *«На основании статьи 105 Основных Государственных Законов Повелеваем: Государственную Думу распустить с назначением времени созыва вновь избранной Думы на (пропуск числа, месяца и года). О времени числа производства новых выборов в Государственную Думу последуют от Нас особые указания. Правительствующий сенат не оставит учинить к исполнению сего надлежащего распоряжения. НИКОЛАЙ»⁴⁷.*

10 февраля 1917 года Император Николай II получает прямую угрозу от председателя Государственной Думы М.В. Родзянко. В разговоре с Царем тот заявил: *«Ваше Величество, спасайте себя. Мы накануне огромных событий, исхода которых предвидеть нельзя. То, что делает Ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно»⁴⁸.*

Таким образом, заговорщики со своей стороны, а Император Николай II со своей, готовились к решительной схватке. При этом мощное наступление русской армии в апреле 1917 года и большая победа должны были сочетаться, по мысли Государя, с разгромом думской оппозиции. Царь приказывает перевести в Петроград надежные воинские части, заменив ими запасных солдат. Мятежу готовился сокрушительный удар.

Видимо, уже тогда Государь, не доверяя командующему Северным фронтом генералу Н.В. Рузскому, выделил Петроград из его подчинения в особый военный округ, во главе которого, по совету военного министра Беляева, был назначен генерал С.С. Хабалов.

Почему же тогда заговорщикам удалось осуществить свой заговор? Причин множество, но одной из самых главных является то доверие, которое Император Николай II испытывал к своему генералитету. Он не мог допустить, что генералы смогут поддержать мятежников, которые не только собирались отстранить Царя от престола, но и покушались на его жизнь. Как верно писал И.Л. Солоневич: *«Государь Император был перегружен сверх всяческой человеческой возможности. И помощников у Него не было. Он заботился и о потерях в армии, и о бездымном порохе, и о самолетах И. Сикорского, и о производстве ядовитых газов, и о защите от еще более ядовитых салонов. На нем лежало и командование армией, и дипломатические отношения, и тяжелая борьба с нашим недоношенным парламентом, и Бог знает что еще. И вот тут-то Государь Император допустил роковой недосмотр: поверил генералам Балку, Гурко и Хабалову. Именно этот роковой недосмотр и стал исходным пунктом Февральского дворцового переворота. <...> Это предательство можно было бы поставить в укор Государю Императору: зачем Он не предусмотрел? С совершенно такой же степенью логичности можно было бы поставить в упрек Цезарю: зачем он не предусмотрел Брута с его кинжалом?»*⁴⁹

У заговорщиков не было никаких надежд на успех без поддержки армейской верхушки. Поэтому им необходимо было сделать все, чтобы перетянуть генералитет на свою сторону и вместе с ним совершить государственный переворот. К стыду и позору русских генералов, они дали себя втянуть в грязные игры политиков и предали своего Государя.

Император твердо вел народ и армию к победе, он был преисполнен верой в победу и был убежден, что и его генералы преисполнены подобной же верой. Но, на самом деле, высший генералитет был преисполнен политических амбиций и интриганства. Это полностью устраивало заговорщиков, которые стремились к совершенно другой победе, нежели Николай II. При этом они хорошо понимали, что победа Царя на фронте приведет к поражению их заговора. О том, что заговорщики торопились с переворотом и понимали, что успешные действия на фронте сделают его невозможным, говорят их собственные высказывания. Милюков говорил, что новые успехи на фронте *«сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство»*, Терещенко и генерал Крымов всячески торопили с переворотом, говоря, что иначе будет поздно.

Первое, что было необходимо сделать заговорщикам, это выманить Царя из столицы, так как в противном случае никакая революция бы не удалась. А.А. Вырубова пишет, что заговорщики *«стали торопить Государя уехать на фронт, чтобы совершить потом величайшее злодеяние»*⁵⁰. Казалось бы, давая возможность Царю уехать в армию, заговорщики как бы сами давали в его руки грозный механизм подавления этого самого заговора и любого бунта. Но в том-то и дело, что к февралю 1917 года верхушка армии была уже против Царя. Приказы Императора молча саботировались высшим генералитетом. Так, Николай II приказал перевести в Петроград с фронта Гвардейский Экипаж. Но этот приказ был саботирован генералом Гурко, который отдал контрприказ и оставил Экипаж на фронте. Император Николай II вторично отдал приказ о переводе Гвардейского Экипажа в Петроград, и Гурко вторично, под предлогом карантина, задержал его неподалеку от Царского Села. Только после третьего при-

каза Императора Гвардейский Экипаж прибыл в Царское Село. То же самое произошло и с уланами Его Величества⁵¹.

Колоссальную помощь заговорщикам оказал начальник Штаба генерал-адъютант М.В. Алексеев. Алексеев, который находился в это время на излечении в Крыму, внезапно, 18 февраля 1917 года, вернулся в Могилев. Не успел он приехать в Могилев, как немедленно направил Императору телеграмму с просьбой срочно прибыть в Ставку. Какая была необходимость для Николая II ехать в Ставку? Никакого наступления в ближайшие дни не планировалось, обстановка была спокойной. Сейчас трудно сказать, чем мотивировал Алексеев необходимость срочного возвращения Государя в Ставку, но можно с уверенностью сказать, что эта мотивировка была убедительной, так как Николай II, осознавая всю необходимость своего личного присутствия в столице, принял неожиданное решение ехать в Могилев. *«Из имеющихся источников, – пишет Г.М. Катков, – неясно, почему Алексеев настаивал на личном присутствии Верховного Главнокомандующего. Баронесса Буксгевден, в то время фрейлина императрицы, в своих мемуарах совершенно определенно говорит, что Государь выехал по телеграфной просьбе генерала Алексеева, не зная, в чем именно заключается спешное дело, требующее его присутствия. Это обстоятельство обретает известное значение в связи с показаниями Гучкова Муравьевской комиссии, что дворцовый переворот намечался на март и что для осуществления его предполагалось захватить Императорский поезд по дороге между Петроградом и Могилевом. Была ли просьба Алексеева (он мог и не знать, что эта просьба передана Царю) частью подготовки к перевороту? Во всяком случае, в этот момент никаких особо важных решений в Ставке как будто не принимали, и, судя по письмам Николая II жене, он надеялся скоро закончить текущие дела и вернуться в Петроград. <...> В свете последующих событий отъезд Императора в Могилев, предпринятый по настоянию Алексеева, представляется фактом, имевшим следствием величайшее бедствие»*⁵².

Подруга императрицы Александры Феодоровны Лили Ден вспоминала: *«Однажды вечером перед обедом тетушка (которую всегда приводили в ярость сплетни, порочившие Государыню Императрицу) позвонила мне и попросила тотчас же приехать к ней. Я застала ее в чрезвычайно возбужденном состоянии.*

– Рассказывают ужасные вещи, Лили, – воскликнула она. – Вот что я должна тебе сказать. Ты должна предупредить Ее Величество.

Затем уже более спокойным тоном продолжала:

*– Вчера я была у Коцебу. Среди гостей было множество офицеров, и они открыто заявляли, что Его Величество больше не вернется со Ставки»*⁵³.

Полковник Мордвинов писал: *«Во вторник 21 февраля 1917 года – вечером <...>, я получил от командующего Императорской главной квартиры графа Фредерикса извещение, что, согласно высочайшему повелению, я назначен сопровождать Государя в путешествии в Ставку. <...> Отбытие Императорского поезда из Царского Села было назначено около трех часов дня, в среду,*

*22 февраля. Это уведомление было для меня неожиданным. Я накануне только что вернулся из Царского Села с дежурства по военно-походной канцелярии, и тогда еще не было никаких разговоров об отъезде. Внутреннее политическое положение было в те дни особенно бурно и сложно, ввиду чего Государь все рождественские праздники, весь январь и большую часть февраля находился в Царском Селе и медлил с отбытием в Ставку»*⁵⁴.

Дворцовый комендант Воейков свидетельствовал: *«В 5 часов был кинематограф в Круглом зале Александровского дворца. <...> Когда кончился сеанс, я проводил Государя в его кабинет. По пути Его Величество обратился ко мне со словами: "Воейков, я решил в среду ехать на Ставку". Я знал, что Государь имел намерение ехать, но думал, что момент этот – не подходящий для его отъезда, и поэтому спросил, почему он именно теперь принял такое решение,*

когда на фронте, по-видимому, все спокойно, тогда как здесь, по моим сведениям, спокойствия мало и его присутствие в Петрограде было бы весьма важно. Государь на это ответил, что на днях из Крыма вернулся генерал Алексеев, желающий с ним повидаться и переговорить по некоторым вопросам; касательно же здешнего положения Его Величество находил, что по имеющимся у министра внутренних дел Протопопова сведениям, нет никакой причины ожидать чего-нибудь особенного»⁵⁵.

Вырубова: «Государь пришел очень расстроенный. <...> Пили чай в новой комнате за круглым столом. На другой день утром, придя к Государыне, я застала ее в слезах. Она сообщила мне, что Государь уезжает. Простились с ним, по обыкновению, в зеленой гостиной Государыни. Императрица была страшно расстроена. На мои замечания о тяжелом положении и готовящихся беспорядках Государь мне ответил, что прощается ненадолго, что через несколько дней вернется»⁵⁶.

То же самое пишет другая подруга Императрицы Александры Феодоровны Юлия Ден: «Государь намеревался остаться с семьей, но однажды утром, после аудиенции генералу Гурко, он неожиданно заявил:

– Завтра я уезжаю в Ставку.

Ее Величество удивленно спросила:

– Неужели ты не можешь остаться с нами?

– Нет, – ответил Государь. – Я должен ехать»⁵⁷.

Таким образом, мы видим, что на срочный отъезд Царя в Ставку повлияли два человека – генералы Алексеев и Гурко, то есть фактически два главнокомандующих. Чем они мотивировали необходимость такого скорого отъезда, до сих пор остается загадкой, но то, что этот отъезд был частью какого-то большого общего плана, не оставляет сомнений. Здесь хочется привести слова генерала Н.И. Иванова об Алексееве: «Алексеев – человек с малой волей, и величайшее его преступление перед Россией – его участие в совершенном перевороте. Откажись Алексеев осуществлять планы Государственной Думы, Родзянко, Гучкова и других, я глубоко убежден, что побороть революцию было бы можно, тем более что войска на фронте стояли спокойно и никаких брожений не было. Да и главнокомандующие не могли бы и не решились бы согласиться с Думой без Алексеева»⁵⁸.

Около 19-го-20-го февраля великий князь Михаил Александрович приехал к Царю и убеждал его уехать в Ставку, так как «в армии растет большое неудовольствие по поводу того, что Государь живет в Царском и так долго отсутствует в Ставке»⁵⁹.

Конечно, Николай II знал, насколько его брат подвержен различным влияниям, чтобы прислушиваться к его советам, но сам факт того, что великий князь озвучивал чьи-то мысли с такой настойчивостью, внушая Царю мысль об отъезде, говорит о многом.

Интересны действия министра внутренних дел А. Д. Протопопова в тот момент, когда он узнал об отъезде Государя. Воейков вспоминал, что после того, как услышал от Царя о решении ехать в Ставку, он связался по телефону с Протопоповым. «"Александр Дмитриевич, – сказал я ему, – Государь решил в среду ехать на Ставку. Как ваше мнение? Все ли спокойно и не является ли этот отъезд несвоевременным?" На это Протопопов, по обыкновению по телефону говоривший со мной на английском языке, стал мне объяснять, что я напрасно волнуюсь, так как все вполне благополучно. При этом он добавил, что в понедельник или во вторник, после доклада у Государя, заедет ко мне и подробно расскажет о происходящем, чтобы меня окончательно успокоить. После этого телефона я поехал к графу Фредериксу, вполне разделяющему мое мнение о несвоевременности отъезда Государя из Петрограда. В понедельник А.Д. Протопопов в Царском Селе не был, приехал во вторник вечером. Заехав после Дворца ко мне, он клялся, что все обстоит прекрасно и нет решительно никаких оснований для беспокойства, причем обещал, в случае появления каких-либо новых данных, немедленно известить меня. На

этом мы расстались. Оказалось, что АД. Протопопов, ручавшийся Государю, Императрице и мне за полное спокойствие в столице, вернувшись из Царского Села, в тот же вечер якобы рассказывал окружающим его о том, сколько энергии он потратил на уговоры Государя не уезжать на фронт. Он рассказывал даже подробности доклада Его Величеству, подкрепляя свои слова изображением жестов, которыми Государь встречал его мольбы. Он говорил, что умолял Императрицу повлиять на Его Величество и уговорить его не ехать на Ставку. Для меня этот факт остается загадкой, так как Государь мне подтвердил сам, что министр внутренних дел Протопопов не видел никакого основания считать его отъезд несвоевременным. Где говорил АД. Протопопов правду – в Царском Селе или в Петрограде?»⁶⁰

Действия министра внутренних дел наталкивают на мысль, что он, вольно или невольно, подыгрывал тем, кто любой ценой хотел отъезда Императора из Петрограда.

Марк Ферро пишет по поводу отъезда Николая II в армию: «У Царя появилось предчувствие, что что-то замышляется, по крайней мере, в армии, после того как брат Михаил сообщил ему о недовольстве в Ставке по поводу его длительного отсутствия. Царь, со своей стороны, знал о том давлении, которое хотели на него оказать союзники во время конференции в январе в Петрограде. Ему было известно, что английский посол сэра Джордж Бьюкенен поддерживает тесные отношения с Гучковым, Милуковым и великими князьями»⁶¹.

Император уезжал в Ставку ненадолго и собирался вскоре вернуться. А.А. Блок писал, что он собирался вернуться к 1 марта⁶².

21 февраля 1917 года Император Николай II осмотрел только что отстроенную в русском стиле трапезную в Феодоровском городке. «Ему показали древние иконы и иконостасы из подмосковной церкви Царя Алексея Михайловича, настенную живопись трапезной и несколько сводчатых палат. Царь несколько раз повторял: "Прямо сон наяву – не знаю, где я: в Царском Селе или в Москве, в Кремле". Потом он проишел в остальные комнаты. В гостиной он сел в мягкое кресло, долго рассматривал картину, на которой был изображен старый паровоз и несколько вагонов, показавшихся из-за поворота. "Так бы и сидел в этом уютном кресле, забыв о всех делах, да, к сожалению, они все время о себе напоминают"»⁶³.

Старый паровоз и несколько вагонов! Они уже показались из-за поворота. Какое мрачное предзнаменование в свете всего последующего! Через день голубые вагоны Императорского поезда унесут Императора Николая II в Могилев, чтобы через две недели привезти его обратно уже узником, обреченном на Крестный путь и мученическую смерть. 22 февраля на перроне Царскосельского вокзала, под звон колоколов Феодоровского Государева собора, Император Николай II простился с Императрицей Александрой Феодоровной и отправился в Ставку. Всё было как обычно: Собственный Его Императорского Величества Конвой, застывший в почетном карауле, торжественные звуки марша. При отъезде, как всегда, составлено «Дело о путешествии Его Величества в действующую армию»⁶⁴. В нем «список лиц, сопровождавших Его Величество». Идут имена: министр двора граф Фридерикс, адмирал Нилов, дворцовый комендант Воейков, свиты генерал-майор Граббе, свиты генерал-майор граф Нарышкин, флигель-адъютант Мордвинов, герцог Лейхтенбергский, лейб-хирург Федоров и так далее. На деле стоит дата: «начато 22.02. 1917». Это дело не имеет даты окончания.

23 февраля 1917 года Император Николай II прибыл в Ставку. «Для встречи Государя на вокзал Могилева прибыли: генерал-адъютант Алексеев, генерал-адъютант Иванов, адмирал Русин, генерал Клембовский, генерал Кондзеровский, генерал-лейтенант Лукомский, генерал-лейтенант Егоров, состоящий при штабе Походного Атамана генерал от кавалерии Смегин, протопресвитер о. Шавельский, губернатор и высшие начальствующие лица штаба Верховного Главнокомандующего», – говорится в книге пребывания Его Величества в Армии за февраль 1917 года⁶⁵. Император отправился в штаб для очередного доклада о положении на фронте. Распорядок работы Императора по приезде в Ставку ничем не отличался от обыч-

ного. Об этом свидетельствуют записи камер-фурьерского журнала: «**23.02. 1917. Четверг.** В 3. 15 м. дня Его Величество в сопровождении министра Императорского Двора и особ Свиты отбыл на проживание в Губернаторский дом. В 3. 30 м. дня Его Величество изволил посетить Свой Штаб, возвратился в 4 ч. 40 мин. дня; **24.02. 1917. Пятница.** Государь посетил Свой Штаб и по возвращении от 12 ч. 15 м. принимал Начальника Бельгийской миссии генерала барона де Риккель; **25.02. 1917. Суббота.** От 10. 30 м. утра Его Величество изволил посетить Свой Штаб. От 2. 30 м. Государь в сопровождении Особ Свиты прогуливались на моторах. В 18–00 Государь отбыл ко всенощной в церковь Штаба»⁶⁶.

Началась обычная жизнь Ставки. Тем временем в Петрограде вовсю уже шли беспорядки. Об этих беспорядках Царь узнал 24 февраля из разговора по прямому проводу с Императрицей. «Телефонист мне передал, – пишет Дубенский, – что только что окончился разговор Государя (из его кабинета) с Императрицей в Царском, длившийся около получаса. По телефону узнал, что сегодня, 24-го февраля, в Петрограде были волнения на Выборгской стороне»⁶⁷.

О телефонном разговоре по прямому проводу пишет и генерал Лукомский. Он пишет, что Царь «более часа разговаривал с Царским Селом». С.П. Мельгунов, впрочем бездоказательно, считает, что Лукомский ошибался и что на самом деле телефонного разговора не было, а был обмен телеграммами⁶⁸.

Здесь начинаются первые загадки. 24-го Государь разговаривает с Государыней по прямому проводу и узнает про беспорядки. А если верить «Переписке Николая и Александры Романовых», изданной большевиком М.Н. Покровским и частично переизданной

О.А. Платоновым под названием «Николай II в секретной переписке», получается, что 24 февраля 1917 года Императрица пишет письмо Государю, в котором подробно описывает начавшиеся волнения в Петрограде. Получается абсурд: зачем писать Царю письмо с сообщением о том, что уже было обсуждено в прямом разговоре по телефону? При этом ни в письме Императрицы Александры Феодоровны, ни в ответных письмах Императора нет ни слова о состоявшемся разговоре! Наоборот, из переписки создается впечатление, что Царь с Царицей общаются только письмами. Так, 26 февраля 1917 года Императрица пишет: «Дорогой мой возлюбленный! Какая радость! В 9 часов получила твое письмо от 23-24-го. Подумай, как долго оно шло!»⁶⁹

В дневнике Императора Николая II за 24 февраля также нет упоминания о разговоре с Государыней по телефону.

Как бы там ни было, но ни Государь, ни Государыня не могли с самого начала оценить ни характер, ни серьезность начавшихся в Петрограде выступлений. 24 февраля Императрица высылает Государю письмо в Ставку: «Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова, и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально». То же самое она писала в письме 25 февраля: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать»⁷⁰. Из писем видно, что Государыня также не была проинформирована о подлинных событиях. Иначе почему она, Императрица Всероссийская, узнает о них «неофициально»?

Николай II также не придавал большого значения петроградским событиям, полагая их незначительными и неорганизованными. «Государь, вероятно, не все знал, так как он был совершенно спокоен и никаких указаний не давал», – пишет Дубенский. Император был целиком поглощен событиями на фронте: «Государь внимательно следил за сведениями, полученными с фронта за истекишие сутки, и удивлял всех своей памятью и вниманием к делам»⁷¹. 25 февраля Император совершил прогулку на автомобиле. «В субботу, 25 февраля, –

пишет Мордвинов, – была наша последняя продолжительная прогулка с Государем по живописному Могилевскому шоссе к часовне, выстроенной в память сражения в 1812 году, бывшего между нашими и наполеоновскими войсками. Был очень морозный день, с сильным ледяным ветром, но Государь, по обыкновению, был лишь в одной защитной рубашке, как и все мы, его сопровождавшие. Его Величество был спокоен и ровен, как всегда, хотя и очень задумчив, как все последнее время»⁷².

Таким образом, мы видим, что, несмотря на создавшуюся в Петрограде опасную обстановку, ни Николай II, ни окружавшие его люди свиты почти ничего о ней знали, вернее, они не знали о масштабах волнений. За все первые дни событий ни одной официальной телеграммы о масштабах происходящего Государь не получил. 25 февраля в Петрограде пролилась первая кровь: на Знаменской площади был убит полицейский поручик Крылов, пытавшийся вырвать флаг у демонстранта, казаки отказывались разгонять мятежную толпу, провокаторы кидали бомбы в мирных людей и кричали, что это дело рук полиции, уже были выброшены лозунги «Долой самодержавие!», а Государь обо всем этом ничего не знал.

Как верно пишет О.А. Платонов *«В это последнее пребывание Государя в Ставке было много странного: в Петрограде творились страшные дела, а здесь царилла какая-то безмятежная тишина, спокойствие более обычного. Информация, которая поступала Государю, шла через руки Алексева. Сейчас невозможно сказать, в какой степени Алексеев задерживал информацию, а в какой степени эта информация поступала искаженной из Петрограда. Факт тот, что фактически до 27 числа Государь имел искаженное представление о происходившем в Петрограде»*⁷³.

Постепенно, однако, Царя начинают волновать происходящие в столице события. 25 февраля, вечером, он посылает командующему Петроградским военным округом генералу С.С. Хабалову телеграмму: *«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. НИКОЛАИ»*. Генерал Хабалов то ли из-за растерянности, то ли из-за того, что боялся вверенных ему частей, то ли по каким-то другим причинам не предпринял ничего, чтобы исполнить недвусмысленный приказ Царя. Как говорил сам Хабалов: *«Эта телеграмма, как бы вам сказать? – чтобы быть откровенным и правдивым: она меняхватила обухом... Как прекратить "завтра же"?..»*

26 февраля, в воскресенье, в Петрограде наступило затишье и Хабалов отправил Царю телеграмму, что беспорядки прекратились. Но не успела эта телеграмма дойти до адресата, как они возобновились с новой силой. Между тем как Царь получил известие, что в городе все спокойно. В то же время до Царя дошли сведения, что «забастовкой пекарей», как поначалу воспринимались события в Петрограде, воспользовалась Государственная Дума, которая, как писал Воейков, *«открыто вынесла свою революционную деятельность из стен Таврического дворца»*. 26 февраля в камер-фурьерском журнале появляется запись: **«26.02. 1917, воскресенье. Сего числа в "Собрании указаний и распоряжений Правительства" был опубликован Высочайший указ "О роспуске Государственной Думы и Совета с назначением срока их созыва не позднее апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств". Совет Старейшин Государственной Думы постановил не расходиться и всем оставаться на своих местах»**⁷⁴.

Налицо был уже не просто бунт толпы, но государственный переворот. Между тем до Царя доходили совершенно иные сведения. Министр внутренних дел Протопопов продолжал дезинформацию Николая II. В.Н. Воейков пишет: *«На следующий день, (т. е. 25 февраля. – П.М.) в субботу, я получил от А.Д. Протопопова телеграмму с извещением, что в городе беспорядки, но все клонится к их подавлению»*. В тот же день генерал А.И. Спиридович, находившийся в Царском Селе, отправил Воейкову полученные сведения из департамента полиции: *«Ничего грозного во всем происходящем усмотреть нельзя; департамент полиции прекрасно*

обо всем осведомлен, а потому не нужно сомневаться, что выступление это будет ликвидировано в самое ближайшее время»⁷⁵. Думается, что деятельность Родзянко по умалчиванию событий и телеграммы Протопопова, их искажающие, имели под собой одну цель – ввести Государя в заблуждение, с целью его дезориентировать и дать возможность революционному процессу принять такие широкие масштабы, которые позволили бы Государственной Думе начать шантаж Царя с требованием Ответственного министерства. Во всяком случае, таковы были планы Родзянко. Что же касается Гучкова, Милюкова, с одной стороны, и Керенского и Чхеидзе, с другой, то те преследовали свои, хотя и разные, но далеко идущие цели.

Государь, не имея достоверных сведений о ситуации в столице, с болью в сердце ощущал надвигающуюся на Россию опасность. Причем слова о сердце имеют здесь не только образное значение. 26 февраля, когда Государь находился в Могилевской церкви, с ним случился сердечный приступ. Он почувствовал мучительную боль в середине груди, которая продолжалась пятнадцать минут. *«Я едва выстоял, – писал он Императрице, – и лоб мой покрылся каплями пота. Я не помню, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени пред образом Пречистой Девы»*.

Родзянко начал забрасывать Ставку своими тревожными телеграммами лишь 27 февраля, и в этих телеграммах уже слышится шантаж. Телеграммы он почему-то посылал на имя командующего Северным фронтом генерала Рузского. *«Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основа их – недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику; но главным образом полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. <...> Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения»*⁷⁶. Ясно, что это «доверенное лицо» должен был быть либо сам Родзянко, либо князь Г.Е. Львов. Тот же самый шантаж и в телеграмме, посланной в Могилев: *«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы этот час ответственности не пал на Венценосца»*⁷⁷. (К слову сказать, Родзянко слал свои телеграммы, не будучи уже председателем Государственной Думы, которая была к тому времени распущенной, был в глазах Царя бунтовщиком, отказавшимся исполнить Высочайшую волю. Государь не ответил ему на телеграмму).

Телеграммы Родзянко кричали о революции и об угрозе династии. Естественно, что Николай II не верил Родзянко, а верил генералу Алексееву. А что же Алексеев и другие генералы? Фактически они поддержали шантаж Родзянко. Рузский вначале посетовал: *«Очень жаль, что с 24 по 27 февраля не удалось сообщить о том, что делается в Петрограде. Надо думать, что и до 24 были признаки нарождающегося недовольства, грозящего волнениями, а также не сообщили и об агитации среди рабочих и гарнизона Петрограда. Обо всем этом тоже не потрудились, может быть и с целью, сообщить на фронт»*⁷⁸. В последнем Рузский был абсолютно прав. Но как действовал сам он – генерал Рузский? Он посылает Царю телеграмму, в которой говорится: *«Ставка. Его Императорскому Величеству Государю Императору. Почитаю долгом представить на благовоззрение Вашего Величества полученную мною от председателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положение в столице и внутри государства, вызывающее тревогу за судьбу Родины. <...> Ныне*

армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроения страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочные меры, которые могли бы успокоить население, вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и в свое будущее. Эти меры, принятые теперь, накануне предстоящего оживления боевой деятельности на фронте, волеют новые силы в армию и народ для проявления дальнейшего упорства в борьбе с врагом; позволяю себе думать, что при существующих условиях репрессивные меры могут скорее обострить положение, чем дать необходимое, длительное удовлетворение»⁷⁹.

Фактически это была полная поддержка требований Родзянко. Алексеев же пока своего мнения не высказывал. Во всяком случае, это мнение нигде не отражено. Но бесспорно, Алексеев вел самые тесные переговоры с Родзянко и тот в своих планах опирался именно на него. Главной же целью Родзянко было – «Ответственное министерство». Скорее всего, нажимая на Рузского и Алексеева, Родзянко рассчитывал, что они смогут вырвать у Царя именно это решение.

Полковник Лейб-гвардии Стрелкового полка И.А. Артабалеvский вспоминал о февральских событиях: *«Стрелки и все прочие воинские чины постановили и утвердили лозунг, с которым они выступили против старого правительства: "Царь, новое правительство, война до победы". С этим пошли в Государственную Думу. С трудом пробрались в Екатерининский зал. Все битком набито самой разношерстной публикой. К нам сейчас же вышел Родзянко и сказал короткую речь с призывом к порядку, на которую ответили "ура!" и здравицей "первому гражданину России". Узнав от меня лозунг, с каким мы пришли, он заметно просветлел лицом. Я пробрался в комнату рядом с той, в которой заседал Исполнительный комитет Государственной Думы. Тут ко мне подошел один из членов Думы, высокий, с черной бородой, изысканно одетый. Кто это был, мне узнать не удалось. Он мне сказал, что Император Николай II, вероятно, будет принужден передать престол своему сыну – Цесаревичу Алексею, а за его малолетством опекуницей будет Императрица Александра Феодоровна, а регентом – великий князь Михаил Александрович. В этот момент в разговор вмешался Милуков. Не думал, что он произведет на меня такое отталкивающее впечатление – хитрой, двуличной лисы. Бегающие за стеклами рипсе-пез глаза не внушали мне никакого доверия. Хитро поглядывая то на меня, то по сторонам, он интересовался узнать у меня об отношении стрелков к великому князю Михаилу Александровичу. Я ему ответил, что не понимаю его вопроса. Ежели Государь найдет нужным передать престол другому, то наш долг служить новому Государю. На это Милуков ничего не ответил и, неприятно-хитро улыбнувшись, отошел от меня»⁸⁰.*

Из дневниковых записей Артабалеvского хорошо видно, что лозунг, с которым вышла на улицы армия («Царь, новое правительство, война до победы»), а он, в целом, принимался и другими воинскими частями, был аналогичен требованиям Родзянко и Думы. Именно внешний монархизм последних обманул войска, которые считали, что выступают за Царя и народ против изменников старого правительства. Но из этого же отрывка видно, как думская оппозиция, в данном случае в лице Милукова, была готова монархические лозунги, которые использовались с целью обмана армии, сменить, когда они стали уже не нужны.

Главной целью думских и военных организаторов переворота был шантаж Императора (угрожая массовыми беспорядками, заставить его передать власть думскому правительству). Но Николай II на шантаж не поддался. Родзянко через перепуганного князя Голицына, последнего председателя Императорского правительства, пытается выбить у Царя назначение «независимого» главы правительства. В ответ Николай II телеграфирует князю Голицыну: *«О главном начальнике для Петрограда мной дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же относительно войск. Лично вам предоставляю все необ-*

ходимые права по гражданскому управлению. Перемены в личном составе при данных обстоятельствах считаю недопустимыми. НИКОЛАЙ»⁸¹.

Одновременно Император принял решение вернуться в Царское Село, так как почувствовал ненадежность генералитета. Заговорщики прекрасно понимали, что, если Царь вернется в Петроград, революция будет подавлена. С их стороны начинается «обработка» великого князя Михаила Александровича. Ему, брату Императора, Родзянко и Голицын (председатель правительства!) внушают идею объявить себя регентом и, приняв командование над всеми войсками, назначить князя Львова главой правительства. Великий князь Михаил Александрович не был человеком государственного ума, не имел выдающихся государственных способностей, но предателем своего Царя он тоже не был. Он отказался выполнять предложения Родзянко. Но в одном последний все же убедил великого князя. По наущению Родзянко великий князь Михаил Александрович направляет Императору телеграмму с предложением освободить нынешний состав Совета Министров и назначить председателем нового Совета – Львова. В конце телеграммы великий князь убеждает Царя, опять-таки по наущению Родзянко, не приезжать в Царское Село.

Между тем генерал Алексеев фактически молчаливо поддерживал Родзянко и проявлял полную пассивность в организации подавления мятежа. *«Я только что говорил с Государем, – сказал Алексеев полковнику А.А. Мордвинову. – Теперь остается лишь одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского и наступать на бунтующий Петроград. Все распоряжения мною уже сделаны, но, конечно, нужно время, пройдет не менее пяти-шести дней. Пока все части смогут собраться. До этого малыми силами ничего не стоит и предпринимать». Генерал Алексеев говорил все это таким утомленным голосом, что мне показалось, что он лично сам не особенно верит в успешность и надежность предложенной меры»*⁸².

Видя, что Алексеев пребывает в пассивном и странном бездействии, Император Николай II начинает организовывать подавление мятежа. 27 февраля в 10 часов 25 минут вечера генерал Алексеев отправил телеграмму генералу Данилову: *«Государь Император повелел генерал-адъютанта Иванова назначить Главнокомандующим Петроградским Военным округом; в его распоряжение, возможно скорее, отправить от войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка по возможности из находящейся в резерве 15-й кавалерийской дивизии, два пехотных полка из самых прочных и надежных, одну пулеметную команду для Георгиевского батальона, который едет из Ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, по-видимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. <...> Такой же силы отряд последует с Западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квецинским. Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего»*⁸³.

Как видим, Николай II, посылая генерала Н.И. Иванова, точно оценивал сложившуюся обстановку и хорошо осознавал ее опасность. Генерал Иванов получил широчайшие полномочия, ему, до прибытия Государя, были обязаны подчиняться все министры правительства.

Но Император понимал, что решающим фактором в водворении порядка станет его личное присутствие в столице. Этим объясняется его решение выехать в Петроград, принятое 27 февраля. *«Решение Царя ехать в Царское Село, – пишет В. Криворотов, – при создавшемся положении, было отчаянным шагом. Но Государь чувствовал, что он остался один, что никто не предпринимал ничего, и оставалось решать ему самому: быть или не быть. Было ошибкой его окружения думать, что Царь спешил в Царское Село исключительно из боязни за свою семью, жену и детей. Государь должен был сознавать, что его появление там, в центре пылающих страстей, не могло никоим образом защитить семью от распоясывавшейся*

толпы. Своим решением отправиться туда Царь хотел разрубить узел всеобщего трусливого бездействия»⁸⁴.

Генерал-адъютант Алексеев пытался уговорить Царя не покидать Ставку, но тот остался верен своему решению. 27 февраля Император объявил В. Н. Воейкову, что уезжает и приказал сделать все распоряжения для отъезда. Исполнив приказ, Воейков доложил Государю, что он может сейчас же ехать ночевать в поезд, что все приготовлено и что поезд может через несколько часов идти в Царское Село. *«Затем я прошел к генералу Алексееву предупредить о предстоящем отъезде. Я его застал уже в кровати. Как только я сообщил ему о решении Государя безотлагательно ехать в Царское Село, его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой слащавым голосом спросил у меня: "А как же он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?" Хотя я никогда не считал генерала Алексеева образцом преданности Царю, но был ошеломлен как сутью, так и тоном данного им в такую минуту ответа. На мои слова: "Если вы считаете опасным ехать, ваш прямой долг мне об этом заявить", – генерал Алексеев ответил: "Нет, я ничего не знаю; это я так говорю". Я его вторично спросил: "После того, что я от вас только что слышал, вы должны мне ясно и определенно сказать, считаете вы опасным Государю ехать или нет?" – На что генерал Алексеев дал поразивший меня ответ: "Отчего же? Пускай Государь едет... ничего". После этих слов я сказал генералу Алексееву, что он должен немедленно сам лично пойти и пояснить Государю положение дел: я думал, что, если Алексеев кривит душой передо мной, у него проснется совесть и не хватит сил лукавить перед лицом самого Царя, от которого он видел так много добра»⁸⁵.*

Но Воейков ошибался. Совесть позволила Алексееву спокойно смотреть, как поезд уносит Императора в расставленную западню, откуда уже Государю было не выбраться. Все было просчитано и разыграно на уровне образцового начальника штаба. В 2 часа 10 минут ночи Николай II принял в своем поезде генерала Иванова и дал ему последние указания. *«Генерал Иванов вошел в вагон вместе с Государем и оставался долго у Его Величества», – вспоминал Мордвинов⁸⁶. «До свидания, – сказал на прощание Царь Иванову. – Вероятно, в Царском Селе завтра увидимся»⁸⁷.*

В 17 часов 28 февраля царский поезд вышел из Могилева в Царское Село⁸⁸. *«Императорские поезда ушли, – писал Спиридович. – На путях станции Могилев спокойно оставались вагоны с генерал-адъютантом Ивановым и с его отрядом Георгиевского батальона. Этот поезд двинулся по назначению лишь в час дня 28 февраля, через семнадцать часов после того, как Государь отдал свое распоряжение. Ставка не торопилась»⁸⁹.*

Таким образом, Император Николай II был оставлен в пути своей Ставкой фактически безо всякой охраны.

Покинув Могилев, Император Николай II двинулся на Петроград двумя литерными поездами «А» и «Б». Эти поезда двигались вслед за поездами с воинскими частями генерала Иванова и частями Северного и Западного фронтов, снятыми для наведения порядка в Петрограде. Чтобы не мешать продвижению воинских эшелонов, царские поезда были вынуждены идти не прямой дорогой на Петроград, а окружным путем через Смоленск, Вязьму, Лихославль, к Николаевской железной дороге, а оттуда через Тосно на Царское Село. Движение царского поезда не вызывало никаких трудностей. На ближайшей станции ехавшие на фронт солдаты встречали Государя громким «ура!» В каждом губернском городе Император принимал губернаторов, которые докладывали ему обстановку в Петрограде. Таким образом, Царь был прекрасно осведомлен о том, что происходит в столице. Когда на следующий день в Пскове, Николай II разговаривал с Рузским, то удивил последнего знанием положения в столице⁹⁰.

Таким образом, поезд беспрепятственно шел на Царское Село. Известие о приближающемся царском поезде вызвало в среде бунтовщиков настоящую панику. Страх перед «без-

вольным и ненавистным» Царем настолько обуял «друзей народа», что они просто потеряли голову. Это хорошо описывает в своей книге Ю.В. Ломоносов: *«Мои мысли были прерваны возгласом Рулевского: "Императорский поезд подходит к Малой Вишере \ Вскакиваю и иду будить Бубликова. Он спит. Разбудить его нет никакой возможности. Бурчит, ругается и упрямо ложится опять. Оставляю при нем Рулевского, а сам бегу к телефону.*

– Гос. Дума? Соедините с Председателем. Михаил Васильевич, вы?

– Я, Родзянко. Кто говорит?

– МПС. По полномочию комиссара Бубликова, член Инженерного Совета Ломоносов. Вы меня знаете?

– Что Вам угодно?

– Императорский поезд в Малой Вишере. Что прикажете с ним делать?

– Сейчас обсудим. Позовите Бубликова!

Через несколько минут подходит Бубликов.

– Да, это я, Бубликов... Но что же делать? Везти в Царское? В Петроград? Держать в Вишере? Ждать? Чего и сколько? Хорошо, будем ждать...

– Не могут решиться, – раздраженно говорит Бубликов, вешая трубку.

Пошли длинные минуты. Из телеграфа несут записку: "Малая Вишера. В Императорском поезде генерал Фукс и помощник начальника дороги Керн. Идет совещание. Комендант Греков из Петрограда дает назначение поезду на Петроград".

Явная чепуха. Каждый делает, что на ум придет. Опять звоним в Думу: "Еще не решили". Ждем. Опять записка: "М. Вишера. По распоряжению инженера Керна в 4.50 поезд литер А отправился обратно в Бологое". Звоним в Думу.

– Задержать?

– Еще не решено. Следуйте за поездом. Когда положение выяснится, получите указания.

Я растерянно развожу руками <...>

Около 9 утра 29 февраля из Бологого сообщили, что Царский поезд прибыл туда. Опять звонки в Думу. Но этот раз решение последовало: "Задержать поезд в Бологом, передать Императору телеграмму Председателя Думы и назначить для этого последнего экстренный поезд до ст. Бологое". В телеграмме Родзянко указывал на критическое для трона положение. Телеграмма эта была передана под личным моим наблюдением в Царский поезд под расписку Воейкова, но ответа не последовало. Только что я прочитал расписку Воейкова и приказал назначить экстренный поезд для Родзянко, как раздался звонок Правосудовича: "Из Императорского поезда ко мне поступило требование дать назначение поезду из Бологого – на Псков. Что делать?". Как молния в моей голове пронеслась мысль о всей опасности этого плана: Николай хочет обратиться к армии!

– Ни в коем случае! – отвечал я Правосудовичу.

– Слушаю, будет исполнено!

Но не прошло и десяти минут, как из телеграфа мне передали записку по телеграфу: "Бологое. Поезд литер А без назначения с паровозом отправился на Псков".

Бубликов в бешенстве заметался по кабинету.

– Что делать? Говорите скорее!

– Положение серьезное, – отвечаю я, сохраняя спокойствие. – Надо обсудить...

– Обдуманное, только обдуманное...

Взорвем мост? Разобьем путь? Свалить поезд? Едва ли Дума нас похвалит! Да и кто это будет делать? Лучшие забьем дорогу – две станции товарными поездами, тем более что поезд без назначения, даже Царский.

В это время в свой кабинет вошел Устругов. Бубликов стремительно бросился к нему:

– Сейчас же распорядитесь, чтобы на пути литер А по Виндавской один из разъездов был загорожен двумя товарными поездами.

– Такие распоряжения я давать отказываюсь!

– Что...о..?

У обоих в глазах было что-то страшное. Мы с Рулевым выхватили револьверы. Говорят, я приставил свой к животу Устругова, но я этого не помню. Устругов побледнел как полотно и залепетал:

– Хорошо, хорошо, сейчас...

Вспоминая эту сцену, мне всегда делается стыдно. Для чего было поручать это дело Устругову, когда можно было самому сговориться с Правосудовичем. Зачем было грозить револьвером, когда достаточно было отстранения или угрозы им?»⁹¹

А затем и Ломоносов, и Бубликов, и им подобные потеряли голову от страха и растерянности и в этой растерянности дошли до того, что готовы были перестрелять друг друга. Паника Ломоносова понятна: так называемая «революция» в Петрограде смогла произойти только благодаря полному бездействию властей. Один из самых трусливых и омерзительных типов революции, С. Мстиславский, признавался позднее: «Можно сказать с уверенностью: если бы в ночь с 27-го на 28-е противник мог бы подойти к Таврическому дворцу даже незначительными, но сохранившими строй и дисциплину силами, он взял бы Таврический с удара – наверняка, защищаться нам было нечем. Правительство не смогло, однако, этого сделать: оно было дезорганизовано»⁹².

Ломоносов вполне отчетливо понимал, что приезд в столицу Государя немедленно придаст силы правительству, и мятеж будет подавлен.

Сцены, приводимые Ломоносовым, наглядно свидетельствуют о той решающей роли, которую сыграла в февральских событиях верхушка армии. Сохрани она верность Государю, и, несомненно, мятеж был бы подавлен. Между тем Государь остро почувствовал нелояльность ближайшего военного окружения, и его отъезд в Псков был вызван стремлением опереться на фронтового генерала Н.В. Рузского.

Генерал Лукомский писал: «Что, собственно, побудило Государя направиться в Псков, где находился штаб Главнокомандующего Северного фронта, генерала Рузского, а не вернуться в Ставку в Могилев? Объясняют это тем, что в бытность в Могилеве при начале революции – он не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и решил ехать к армии на Северный фронт, где надеялся найти более твердую опору в лице генерала Рузского»⁹³. Полковник Мордвинов возражает против этого утверждения: «К генералу Рузскому и его прежнему, до генерала Данилова, начальнику штаба генералу Бонч-Бруевичу Его Величество, как и все мы, относились с безусловно меньшим доверием, чем к своему начальнику штаба, и наше прибытие в Псков явилось вынужденным и совершенно непредвиденным при отъезде. Государь, стремясь возможно скорее соединиться с семьей, вместе с тем стремился быть ближе к центру управления страной, удаленному от Могилева»⁹⁴.

Тем не менее Николай II рассчитывал на Рузского. Рузский командовал войсками огромного фронта, и Царь, если бы Рузский был верен присяге, оказался бы не только в полной безопасности, но и получил бы мощное средство по подавлению мятежа. Таким образом, Государь прибыл в Псков, стремясь продолжать борьбу с мятежом. Советский исследователь Г.З. Иоффе пишет: «Если верить белоэмигрантским мемуарам, то создается впечатление, что Николай II прибыл в Псков уже с созревшим решением пойти на уступки и согласиться на ответственное министерство. Но подобные утверждения – либо намеренное искажение, либо результат бессознательного смещения калейдоскопически разворачивающихся событий»⁹⁵. Нет, Государь хотел опереться на генерал-адъютанта Рузского, чтобы продолжать борьбу.

«Когда "блуждающий поезд" приближался к Пскову, – пишет Г.М. Катков, – пассажиры его надеялись, что приближаются к тихой гавани и что личное присутствие Императора произведет магическое действие. Государь был вправе ждать, что главнокомандующий Север-

ным фронтом первым делом спросит, какие будут приказания. Однако произошло совсем другое»⁹⁶.

Псков встретил Государя мрачно. «Будучи дежурным флигель-адъютантом, – пишет полковник А.А. Мордвинов, – я стоял у открытой двери площадки вагона и смотрел на приближающуюся платформу. Она была почти не освещена и совершенно пустынна. Ни военного, ни гражданского начальства (за исключением, кажется, губернатора), всегда задолго и в большом числе собирающегося для встречи Государя, на ней не было. Где-то посередине платформы находился, вероятно, дежурный помощник начальника станции, а на отдаленном конце виднелся силуэт караульного солдата. Поезд остановился. Прошло несколько минут. На платформу вышел какой-то офицер, посмотрел на наш поезд и скрылся. Еще прошло несколько минут, и я увидел наконец генерала Рузского, переходящего рельсы и направляющегося в нашу сторону. Рузский шел медленно, как бы нехотя и, как нам всем показалось, нарочно не спеша. Голова его, видимо, в раздумье была низко опущена. За ним, немного отступя, шли генерал Данилов и еще два-три офицера из его штаба»⁹⁷.

Что же сказал генерал Рузский, оказавшись в вагоне? Поддержал ли он своего Государя, подтвердил ли свою готовность исполнить свой долг перед ним? Ничего подобного. «Генерал Рузский, – вспоминал позже Император Николай II, – был первым, кто начал разговор о необходимости моего отречения»⁹⁸.

«Теперь уже трудно что-нибудь сделать, – с раздраженной досадой говорил Рузский, – давно настаивали на реформах, которые вся страна требовала...не слушались...теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя», – недовольно сказал он членам свиты. Встретившись с Императором, Рузский высказал соображение, что надо соглашаться на «ответственное министерство». Можно себе представить горечь Николая II, который вместо опоры встретил в лице Рузского очередного своего противника. Николай II высказал мысль, что он не может пойти на этот шаг, что он хранит не самодержавие, а Россию. В ответ он услышал почти требование Рузского «сдаваться на милость победителя». Только теперь перед Царем стала проявляться вся глубина заговора. «Когда же мог произойти весь этот переворот?» – спросил он Рузского. Тот отвечал, что «это готовилось давно, но осуществлялось после 27-го февраля, т. е. после отъезда Государя из Ставки»⁹⁹. «Перед Царем встала картина полного разрушения его власти и престижа, полная его обособленность, и у него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врага», – пишет генерал Дубенский¹⁰⁰.

С этого момента Император окончательно понял, что он в ловушке и что он ничего не может предпринять. С.Д. Боткин, брат расстрелянного с Царской Семьей в Екатеринбурге лейб-медика Царской Семьи, писал в 1925 году: «Революция началась задолго до того дня, когда А.И. Гучков и Шульгин добивались в Пскове отречения Государя. Как теперь установлено, Государь фактически был узником заговорщиков еще до подписания отречения. Когда Царский поезд остановился на станции Псков, Государь уже не был его хозяином. Он не мог направлять свой поезд согласно своему желанию и усмотрению, и самая остановка в Пскове не была им намечена. Генерал Радко-Дмитриев говорил впоследствии, что если бы Государь, вместо того чтобы ожидать в своем вагоне думских делегатов из Петербурга, сошёл бы на станции Псков и поехал в автомобиле по направлению расположений войск вверенной ему армии, события приняли бы совсем иной оборот. Несомненно, что прием Государем гг. Гучкова и Шульгина в штабе Радко-Дмитриева носил бы иной характер и имел бы совершенно иные последствия; но остается под вопросом: мог ли Государь осуществить свой отъезд на автомобиле со станции Псков? Мы не должны забывать, что вся поездная прислуга, вплоть до последнего механика на Царском поезде, была причастна к революции»¹⁰¹.

Когда читаешь воспоминания членов царской свиты о событиях февраля 1917 года, то невольно поражаешься какой-то их беспомощности и обреченности. Никто из них и не пытался действительно помочь монарху, хотя бы морально поддержать его, а все надеялись на «авось», на «чуточную мечту». В этих условиях единственным, кто продолжал сопротивляться и отстаивать монархию, был сам Николай II. В 1927 году вышла цитируемая нами книга «Отречение Николая II» со вступительной статьей М. Кольцова. Кольцов был тогда в стане победителей, тех, кто истреблял Романовых «как класс», кто всячески клеветал и унижал память последнего Царя. Тем более для нас интересен неожиданный вывод Кольцова, когда он пишет о Николае II: *«Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека – самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили»*¹⁰².

Лишь после того, как великий князь Николай Николаевич и все командующие фронтами: генералы Алексеев, Брусилов, Эверт, Сахаров, Рузский, адмирал Колчак – прислали ему телеграммы или передали их устно «со слезными» просьбами отречься, он понял: всё – круг замкнулся. Архимандрит Константин (Зайцев) писал: *«Чуть ли не единственным человеком, у которого не помутилось национальное сознание, был Царь. Его духовное здоровье ни в какой мере не было задето тлетворными веяниями времени. Он продолжал смотреть на вещи просто и трезво. В столице, в разгар войны – Великой войны, от исхода которой зависели судьбы мира! – возник уличный бунт! Его надо на месте подавить с той мгновенной беспощадностью, которая в таких случаях есть единственный способ обеспечить минимальную трату крови. Это было Царю так же ясно, как было ему ясно при более ранних столкновениях с общественным мнением, что во время войны, и притом буквально накануне конечной победы над внешним врагом, нельзя заниматься органическими реформами внутренними, ослабляющими правительственную власть. Царь был на фронте во главе армии, продолжавшей быть ему преданной. Так, кажется, просто было ему покончить с бунтом! Но для этого надобно было, чтобы то, что произошло в столице, было воспринято государственно-общественными силами, стоящими во главе России, именно как "бунт". Для этого надобно было, чтобы Царь мог пойти усмирять столичный "бунт", как общерусский Царь, спасающий Родину от внутреннего врага, в образе бунтующей черни грозящего ее бытию! Этого как раз и не было. Между бунтующей чернью и Царем встал барьер, отделивший страну от ее Богом Помазанного Державного Вождя. И встали не случайные группы и не отдельные люди, а возникла грандиозная по широте захвата коалиция самых разнокачественных и разномыслящих групп людей, объединенных не мыслью о том, как сгрудиться вокруг Царя на защиту страны, а – напротив того, мыслью о том, как не дать Царю проявить державную волю: мыслью о том, как – страшно сказать! – спасти страну от Царя и его Семьи. Что же было делать Царю? Укрыться под защитой оставшихся ему верных войск и идти на столицу, открывая фронт внутренней войны и поворачивая тыл фронту внешнему? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять невозможность вступления Царя на этот путь. Государь внезапно оказался без рук: он ощутил вокруг себя пустоту. Вместо честных и добросовестных исполнителей своих предначертаний он уже раньше все чаще видел "советников" и "подсказчиков", в глазах которых "Он" мешал им "спасти" Россию!»*¹⁰³

Здесь необходимо сказать несколько слов о юридических, нравственных и исторических аспектах так называемого «отречения».

Это «отречение» произошло в условиях организованного заговора военных и думцев. В результате этого заговора Император Николай Александрович оказался в полной изоляции. Он был окружен либо врагами, либо теми, кто был не в состоянии, по разным причинам, предпринять какие-либо действия в защиту Государя. В этих условиях от Царя первоначально требовали «ответственного» министерства! Само по себе это требование было далеко не новым:

его уже выдвигала думская оппозиция в 1915, 1916 годах. Но в феврале 1917 года это требование получило новое дополнение: после его принятия Царь, по мысли заговорщиков, должен был отречься от престола. То есть таким образом Император должен был «освятить» новую масонскую власть. Николай II на это не пошел, так как отлично понимал, в чьи руки будет передана судьба России. Уже будучи под арестом в Царском Селе, он сказал Юлии Ден, указывая на министров Временного правительства: *«Вы только взгляните, Лили. Посмотрите на эти лица... Это же настоящие уголовники. А между тем от меня требовали одобрить такой состав кабинета и даровать конституцию»*¹⁰⁴.

Царь предпочел отойти от власти, но не связывать свое имя с преступным богоборческим правительством. Он единственный из представителей высшей власти, кто отказался поддерживать власть разрушителей русской государственности. Все остальные: верхи армии, общества, буржуазии и даже Церкви выразили полную лояльность к февральским преступникам. Своим отказом признавать мятежное правительство, Царь, вслед за Спасителем, которого нечистый дух соблазнял поклониться ему, обещая все царства мира, отвечал сатане: *Изыди от Мене, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися, и тому единому послужиши* (Мф. 4, 10).

В этом отказе состоял великий духовный подвиг Государя перед Богом и Россией.

Император Николай II был поставлен мятежниками в такое положение, когда ему приходилось думать, прежде всего, о спасении России и самодержавной монархии. Что есть самодержавная монархия? *«Самодержавная монархия, – писала газета «Царь-Колокол» в 1990 году, – есть форма земной власти, установленная во образ власти Небесной, то есть царство, над скоропроходящим земным благополучием подданных поставляющее заботу об их конечном спасении. Отсюда тенденция к видимому самоуничтожению, саморазрушению царства внешнего ради торжества правды царства внутреннего – Крест Царский, не раз явленный миру православными князьями и царями русскими. Вспомним Государя Николая Александровича, на предложение террором власти остановить разраставшееся отступление ответившего отказом»*¹⁰⁵.

Суть подвига Николая II очень точно подметил архимандрит Константин (Зайцев): *«Царь, оставаясь Русским Царем, не мог себя ограничить западной конституцией, не мог сделать этого не потому, что судорожно держался за свою власть, а потому что сама власть эта, по существу своему, не поддавалась ограничению. Ограничить ее – значило изменить не ее, а изменить ей. Русский Царь не просто Царь-Помазанник, которому вручена Промыслом судьба великого народа. Он – тот единственный Царь на земле, которому вручена от Бога задача охранять Святую Церковь и нести высокое царское послушание до второго пришествия Христова. Русский Царь – тот Богом поставленный носитель земной власти, действием которого до времени сдерживается сила Врага»*¹⁰⁶.

Все события «отречения» – это поединок Царя и «февралистов» 1917 года. Царь до последнего момента надеялся отстоять свои священные права, а значит отстоять законную власть. Он надеялся получить в этом поддержку от окружавших его людей, он ждал от них исполнения их долга верноподданных. Но тщетно. Кругом царили «измена, и трусость, и обман». *«Подавить открыто революцию Николай II уже не мог, – пишет Г.З. Иоффе. – В Пскове он был "крепко" зажат своими генерал-адъютантами. Прямое противодействие им в условиях Пскова, где положение контролировал один из главных изменников, Рузский, было практически невозможно. В белоэмигрантской среде можно найти утверждение, что если бы Николай II, находясь в Пскове, обратился к войскам, среди них нашлись бы воинские части, верные царской власти. Однако практически он не имел такой возможности, хотя бы потому, что связь осуществлялась через штаб генерала Рузского. В соответствии с показаниями А.*

И. Гучкова, Рузский прямо заявил Николаю II, что никаких воинских частей послать в Петроград не сможет»¹⁰⁷.

Тогда, поняв, что мятежники царствовать ему все равно не дадут и что беззаконие должно свершиться, Император начал мучительно думать, как ослабить это беззаконие и как отвести от России тяжкий грех отступничества. Мятежники требовали от него передать престол сыну – Цесаревичу Алексею. Они прекрасно понимали, что передача престола Цесаревичу будет воспринята как законная передача власти от отца к сыну, то есть будет сохранена иллюзия законного престолонаследования. То есть Император Николай II, по плану мятежников, должен был своим именем и именем своего сына «освящать» узурпацию власти. Отречься в пользу сына – означало бы сделать больного Наследника царем родзянок, Тучковых, Львовых, керенских и им подобных, означало бы узаконить их беззаконие.

Государь пойти на этот не мог. На незаконные требования Государь отвечает незаконным актом – он передает «Наследие Наше» великому князю Михаилу Александровичу. Эта передача происходит с нарушением всех законов Российской империи, всего правового оформления таких судьбоносных документов. Но кроме нарушения юридических норм, «отречение» было заранее невозможно еще и потому, что великий князь Михаил Александрович к февралю 1917 года не имел прав наследовать престол. На листке бумаги, при помощи обыкновенной печатной машинки пишется странный текст, который начинается словами: «Ставка. Начальнику Штаба». Хотя неизвестно, вышел ли этот документ из-под пера Государя или он был сфабрикован Гучковым и присными. Игумен Серафим (Кузнецов) писал: *«Невольно закрадывается в душу сомнение: "А действительно ли подписан Государем акт отречения?" Это сомнение можно выгнать из тайников душевных только тогда, когда беспристрастная экспертиза докажет, что акт отречения действительно подписан Императором Николаем II. Такие первостепенной важности акты совершаются не при двух-трех свидетелях, а при составе представителей всех сословий и учреждений. Не было также подтверждено Государем кому-либо при жизни, что им подписан акт отречения от власти, и никто к нему допущен не был из лиц нейтральной стороны и даже из числа иностранных представителей, при которых бы Государь подтвердил акт своего отречения и что он сделан не под угрозой насилия, а добровольно»¹⁰⁸.*

М. Сафонов в своей интереснейшей статье «Гибель богов» хорошо показывает те вопиющие разногласия в тексте документа с иными источниками, которые выявились в ходе его исследования. Так, совершенно непонятно, почему так называемый «манифест об отречении» не имеет обязательной для такого документа шапки: «Божьей поспешествующей Милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский...» и так далее. То есть из документа «Начальнику Штаба» непонятно, к кому конкретно обращается Император. Более того, этот документ совершенно не характерен для телеграмм Николая II. *«Николай II, – пишет Сафонов, – по-иному оформлял свои телеграммы. Это хорошо видно из собственноручно написанных им между 15 и 16 часами 2 марта телеграмм Родзянко и Алексею. Вначале он указывал, кому адресована телеграмма, потом – куда она направляется. Например, как это отчетливо видно на факсимиле: "Председателю Гос. Думы. Птгр", то есть "Петрограда". Соответственно телеграмма Алексею выглядела так: "Наштаверх. Ставка". "Наштаверх" – это означало "начальнику штаба верховного главнокомандующего". Поэтому слова: "Ставка. Начальнику штаба", которые мы видим на фотокопиях, были написаны людьми недостаточно компетентными, ибо просто "начальнику штаба" царь никогда бы не написал. Далее безграмотно поставлена дата телеграммы. Действительно, телеграммы, которые отсылал Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: "Псков. Число, месяц. Час. Минута". Потом обязательно следовал номер телеграммы. Потом следовала подпись. Нетрудно заметить, что на фотокопиях нет номера телеграммы, который обязательно должен был здесь находиться, если бы она действительно была подготовлена к*

отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: "2-го Марта 15 час. 5 мин. 1917 г". Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры должны были следовать после написания месяца, например, "2 марта 1917 г.", а отнюдь не после указания точного времени»¹⁰⁹.

М. Сафонов считает, что текст «отречения» был вписан на бланк царской телеграммы с уже имевшейся подписью Царя и министра Двора графа Фредерикса. О каком же «историческом документе» может тогда идти речь? И что было сказано в подлинном тексте манифеста, который Император Николай II передал в двух экземплярах Гучкову и Шульгину, о чем имеется запись в дневнике Царя, если только, конечно, и дневник не подвергся фальсификации? «Если "составители" Акта отречения так свободно манипулировали его формой, – вопрошает Сафонов, – не отнеслись ли они с той же свободой к самому тексту, который Николай II передал им? Другими словами, не внесли ли Шульгин и Гучков в текст Николая II принципиальных изменений?»

Однозначных ответов на эти вопросы сегодня дать нельзя. Но также совершенно невозможно говорить о каком-то «отречении» Николая II от престола, тем более о «легкости» этого «отречения». Совершенно понятно, что ни с юридической, ни с моральной, ни с религиозной точки зрения никакого отречения от престола со стороны Царя не было. **События в феврале-марте 1917 года были не чем иным, как свержением Императора Николая II с прародительского престола; незаконным, совершенным преступным путем, против воли и желания Самодержца, лишением его власти.** «Мир не слыхал ничего подобного этому правонарушению. Ничего иного после этого, кроме большевизма, не могло и не должно было быть»¹¹⁰.

Поставленный перед лицом измены генералитета, который почти в полном составе перешел на сторону заговора, Николай II оказался перед двумя путями. Первый путь был следующим: обратиться к армии с приказом защитить его от собственных генералов. Но что это означало на деле? Это означало, что Царь должен был приказать расстрелять практически весь свой штаб. Но, во-первых, это было немыслимо по соображениям государственной безопасности: перед судьбоносным наступлением разгромить собственную Ставку было равносильно военному крушению русской армии. Не говоря уже о том, что подобные действия оказали бы сильное деморализующее действие на войска². Во-вторых, не надо забывать, что Царь был фактически пленен собственными генералами. Царский поезд охранялся часовыми генерала Рузского, который один решал, кого допускать к Царю, а кого – нет. Вся корреспонденция, направляемая Императору, контролировалась генералом Алексеевым. «Хотя реально, – пишет О.А. Платонов, – связь между Государем и Ставкой армии потеряна не была, генерал Алексеев, по сути, отстранил Царя от контроля над армией и захватил власть в свои руки»¹¹¹.

Понятно, что в таких условиях генералы не дали бы Царю предпринять против себя никаких репрессивных действий. Император, «соединявший в себе двойную и могущественную власть Самодержца и Верховного Главнокомандующего, ясно сознавал, что генерал Рузский не подчинится его приказу, если Он велит подавить мятеж, бушующий в столице. Он чувствовал, что тайная измена опутывала его, как липкая паутина»¹¹².

² Общеизвестно, что репрессии 30-х годов против руководящего состава РККА, проведенные Сталиным, оказали деморализующее влияние на Советскую Армию, хотя репрессированные военачальники (Тухачевский, Якир, Блюхер) были заменены более выдающимися (Тимошенко, Жуковым, Рокоссовским). Но сам факт расстрела армейского верховного командования, даже обличенного в заговоре и планах государственного переворота, произвел удручающее впечатление на военные массы, особенно на командный состав. Если репрессии против красного командного состава, проведенные за четыре года до войны, встретили у определенной части офицерства неприятие и даже противодействие, что не преминуло сказаться на ходе боевых действий в 1941 году, то легко себе представить, что произошло бы в марте 1917 года, пойдя Николай II в разгар боевых действий на подобные репрессии. – П.М.

Можно было послать войска в Петроград. Но против кого? Царь ясно понимал, что беснующиеся празднующие толпы так называемого «народа» легко разгонятся двумя верными батальонами. Но в том-то и дело, что главные заговорщики были не на улицах Петрограда, а в кабинетах Таврического дворца и, что самое главное, в собственной Его Величества Ставке. Армия, в лице ее высших генералов, предала своего Царя и Верховного Главнокомандующего. Лев Троцкий впоследствии злорадно, но справедливо писал: *«Среди командного состава не нашлось никого, кто вступился бы за своего царя. Все торопились пересечь на корабль революции в твердом расчете найти там уютные каюты. Генералы и адмиралы снимали царские вензеля и надевали красные банты. Каждый спасался, как мог»*¹¹³.

Таким образом, насильственное разрешение создавшегося положения, в условиях изоляции в Пскове, для Царя было невозможно. *«Фактически Царя свергли. Монарх делал этот судьбоносный выбор в условиях, когда выбора-то, по существу, у него не было. Пистолет был нацелен, и на мушке была не только его жизнь (это его занимало мало), но и будущее страны. Ну а если бы не отрекся, проявил "твердость", тогда все могло бы быть по-другому? Не могло. Теперь это можно констатировать со всей определенностью»*¹¹⁴.

Оставался второй путь: жертвуя собой и своей властью, спасти Россию от анархии и гражданской войны. Для этого надо было любой ценой сохранить монархию. Царь понимал, что от власти его отрешат в любом случае. Отдавать своего сына в цари мятежникам Царь не хотел. Оставалось одно: передать престол своему брату – великому князю Михаилу Александровичу. Этим шагом, с одной стороны, Царь показывал всю незаконность происходящего, а с другой, выказывал надежду, что новому императору из Петрограда будет легче и справиться с крамолой, и возглавить новый курс руководства страной. То, что это было твердо принятое решение, говорит телеграмма Государя на имя Михаила Александровича: *«Его Императорскому Величеству Михаилу. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот шаг. Прости меня, если огорчил Тебя и не успел предупредить»*. Кстати, эта телеграмма не была передана великому князю Михаилу Александровичу.

Но великий князь совершил поступок совершенно неожиданный для Николая II: вместо организации отпора мятежу, он передал всю полноту власти в руки мятежников. *«Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»* – записал Государь в своем дневнике 3-го марта¹¹⁵. *«Государь выразил Свое глубокое огорчение как отказом Августейшего Брата взойти на престол, так и формой, в которую он был облечен»* (В.Н. Воейков)¹¹⁶.

Узнав о поступке брата, Император Николай II пошел на еще большую жертву во имя России: он был готов отдать ей своего Сына. Уже по пути в Могилев, Николай II вызвал к себе генерала Алексева и сказал ему: *«Я передумал. Прошу Вас послать эту телеграмму в Петроград»*.

«На листке бумаги, – писал генерал А.И. Деникин, – отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея.

*Алексеев унес эту телеграмму и не послал. Было слишком поздно: стране и армии объявили уже два манифеста»*¹¹⁷.

Здесь генерал Деникин, сам склонный к непостоянству и интригам, безусловно, лукавит. Было не поздно. Никаких манифестов еще не было, к тому же Царь обладал правом исправить законодательную «ошибку», передачу престола своему брату, и никто был не вправе помешать ему это сделать. Просто генерал Алексеев в очередной раз предал. Однако теперь не только лично Императора Николая Александровича, которому на Святом Евангелии клялся служить «верно и нелицемерно», но и дело Русской Монархии в целом.

Сегодня бытует мнение, что Николай II планировал вырваться из Пскова и, обратившись к войскам, дезавуировать «отречение». В доказательство приводится поездка Царя из Пскова в Могилев. Так, один современный исследователь пишет: *«Государь оказался в ловушке у тер-*

рористов, и по отношению к нему были применены хорошо известные нам сегодня методы террора. Подписывать официальный юридический документ об отречении ему не позволяла совесть христианина, ответственность правителя и профессионализм юриста, а не подписывать его он не мог, так как заговорщики грозили немедленно устроить братоубийственную бойню. Государь избрал оптимальный, на его взгляд, выход, с возможностью изменить ситуацию, вырвавшись из псковского плена. Он не учел только одного – предательство и измена среди высших государственных и военных чинов России оказались глобальными. Государь был уверен, что большинство тех, кто давал ему присягу на верность, останутся верны ей. Он сам был человеком совести и предполагал ее наличие у своих верноподданных. Его чистое сердце было просто не способно предусмотреть всеобщей измены»¹¹⁸.

Думается, что подобные мнения, с одной стороны, недооценивают Государя, а с другой – ставят под сомнения его искренность. Императору общая измена стала понятна тогда, когда пришли «коленипреклоненные» телеграммы от великого князя Николая Николаевича и всех командующих фронтов. «Все мне изменили. Первый Николаша», – сказал Государь Воейкову. Точно так же, известная фраза: «Кругом измена, и трусость, и обман» – появилась в дневнике 2-го марта, а не после поездки в Ставку. Нет, Царь все понял. Он понял, что царствовать больше он не может, ибо ему не дадут этого. Ему оставалось одно: пожертвовав собой, спасти монархию. Бытует мнение, что он не должен был «отречься» даже ценой собственной жизни, как Император Павел. Но такие мнения опять-таки не берут во внимание то обстоятельство, что заговор проходил в условиях тяжелейшей войны. Можно себе представить, как сказалось бы на ее ходе убийство Монарха в собственной Ставке своими генералами. Результатом царевубийства вновь стала бы гражданская смута, грозившая поражением в войне. В тех условиях от Царя требовалась больше, чем отдать жизнь – от него требовалась жертва во имя России. И он эту жертву принес.

«Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения Родной Матушки России», – объявлял он Родзянко в своей телеграмме. Он отрекся, не поставив никаких условий лично для себя и своей Семьи, отрекся жертвенно. *«Когда в силу страшных обстоятельств ("кругом измена, и трусость, и обман") стало ясно, что он не может исполнять долг*

Царского служения по всем требованиям христианской совести, он безропотно, как Христос в Гефсимании, принял волю Божию о себе и России. Нам иногда кажется, что в активности проявляется воля, характер человека. Но требуется несравненно большее мужество, чтобы тот, кто "не напрасно носит меч", принял повеление Божие "не противиться злу", когда Бог открывает, что иного пути нет. А политик, которым движет только инстинкт власти и жажда ее сохранить во что бы то ни стало, по природе очень слабый человек. Заслуга Государя Николая II в том, что он осуществил смысл истории как тайны воли Божией», – пишет протоиерей Александр Шаргунов¹¹⁹.

Это же понимание смысла истории как проявления воли Божьей руководило Государем, когда он отказался от политической борьбы за власть. Его решение не бороться за нее было взвешенным и окончательным. Здесь невозможно вновь не сказать о хриstopодражательности подвига Государя. Вспомним обстоятельства Гефсиманского моления о Чаше Спасителя и то, что произошло позже. Господь тяжело страдает перед началом Крестного Пути. Ему тяжело быть одному. Он просит учеников бодрствовать вместе с Ним в эти минуты. Но ученики, не понимающие величия момента, засыпают. Спаситель в кровавом поту молит Отца, чтобы Чаша сия Его миновала. *«Впрочем не как Моя воля, но как Твоя»,* – смиренно говорит Он. Но вот пришли первосвященники, солдаты и Иуда «с предательским лобзаньем на устах». Спасителя хватают. И в этот момент апостол Петр, охваченный праведным гневом, достает меч и отсекает ухо рабу по имени Малх, что, к слову, в переводе означает «царь». Господь останавливает Петра со словами: *«Вложи меч свой в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?»*, после

чего исцелил раба. Господь Иисус дает понять Петру: помогать Мне следовало тогда, когда Я просил об этом, то есть не спать, а поддержать Меня в Моей душевной муке. Нынче же пробил час Сына Человеческого. Петр, совершая насильственное действие в отношении раба, то есть не вольного в своих действиях человека, совершает бессмысленный поступок, который только мешает Господу в Его вселенской миссии.

«В критическую для всей вселенной минуту, когда победа в Великой войне была так близка, Константинополь, проливы, преобладание в Европе отходили к России, оставленный Государь после целonoщной молитвы перед образом Спасителя, "преодолев искушение в пустыне", принял решение об отречении от Престола, со всей своей Августейшей Семьей ступив на предназначенный ему от рождения путь смирения и скорби. Тем же, чем для искушаемого в пустыне Господа было предложение всех царств мира из рук сатанинских, тем явился для Государя конституционный соблазн. Согласившись на конституцию, Государь, безусловно, сохранил бы себе и своей Семье жизнь, но время и сроки мира, попавшего под власть антихриста, были бы сокращены. Отказом Помазанника Божия, Государя Императора Николая Александровича, от перемены источника власти, отказом от дьявольского искушения и верностью своему Владыке Господу Иисусу Христу, пришествие антихриста откладывалось на неопределенный срок, вселенная в который раз была избавлена от надвигающейся катастрофы»¹²⁰.

Поведение Николая II удивительным образом напоминает о евангельских событиях. Об этом прямо пишет С. Позднышев: *«На Гучкова с ненавистью смотрел стоявший у дверей молодой офицер Лейб-гвардии Московского полка. Вот он схватил шапку, может сейчас блеснет сталь. Государь заметил движение руки, быстро сказал: "Соловьев, успокойся, выйди в соседнее помещение. Я не хочу ничьей крови..." Как будто в глубине двух тысячелетий возникла другая картина, и ветер веков донес из тьмы Гефсиманского сада: "Петр, вложи меч твой"»¹²¹.*

Не менее хриstopодражательным является поведение Царя с Алексеевым: *«Алексеев чувствовал неловкость и смущение перед Государем. Его совесть тревожило упорное молчание Царя. Во время доклада о последних событиях в Петрограде он не выдержал и сказал ему: "Ваше Величество, я действовал в эти дни, руководствуясь моей любовью к Родине и желанием уберечь и оградить армию от развала. Россия тяжело больна; для ее спасения надо было идти на жертвы..." Государь пристально посмотрел на него и ничего не отвечал»¹²².*

Не так ли аргументировал свое предательство Иуда, не так ли молчал перед Пилатом Спаситель?

В 1927 году в монархическом журнале «Двуглавый орел», издававшемся в Париже, были помещены стихи никому не известного

В. Шелехова. Мы не беремся судить об их поэтическом достоинстве. Да оно и не важно. Важно то, что Шелехов очень точно отобразил в них смысл Царского Подвига:

Наш Батюшка-Царь в Могилевской палате
Трудился над планом последних боев.
Вот близко победа, но злые кинжалы
Уж в Царскую спину направил кагал:
В столице мятеж, смущены генералы,
А в Пскове Иуда-предатель предстал.
Не думая вовсе о личном спасенье,
Престольную клятву России храня,
Великий Страдалец в христианском смиренье
Сказал им: «Я Царь ваш – возьмите меня».
И поднялись злые нечистые руки

И в грязном кощунстве легли на Царя,
И в царских очах отразились муки,
Безмерной любовью Отчизну даря.
И началось шествье Царя Николая,
То скорбное шествье с тяжелым крестом...¹²³

Вся логика поведения Императора Николая II как христианского государя свидетельствует, что Царь приносил жертву во имя России, а не отрекался от нее. Далека была Николай II и от политического трюкачества и интриг.

Поездка Царя в Могилев была не чем иным, как прощальной поездкой. 3 марта 1917 года Император прибыл в Могилев. *«Государь вернулся в Могилев из Пскова для того, чтобы проститься со своей Ставкой, в которой Его Величество так много трудился, столь много положил в великое дело борьбы с нашим упорным и могущественным врагом души, сердца и ума и необычайного напряжения всех своих моральных и физических сил. Только те, кто имел высокую честь видеть ежедневно эту непрерывную деятельность в течение полутора лет, с августа 1915 по март 1917, непосредственного командования Императором Николаем II своей многомиллионной армией, растянувшейся от Балтийского моря через всю Россию до Трапезунда и вплоть до Малой Азии, только те могут сказать, какой это был труд и каковы были нужны нравственные силы, дабы переносить эту каждодневную работу, не оставляя при этом громадных общегосударственных забот по всей империи, где уже широко зрели измена и предательство. И как совершалась эта работа Русским Царем! Без малейшей аффектации, безо всякой рекламы, спокойно и глубоко-вдумчиво трудился Государь»*, – писал летописец пребывания Царя в армии во время Мировой войны генерал Д.Н. Дубенский¹²⁴.

Могилев встретил отрекшегося Царя марсельезой и красными полотнищами, и это новое лицо враз изменившегося города, наверное, подействовало на Государя более удручающе, чем обстоятельства самого отречения. *«4 марта, – писал полковник Пронин. – Подходя сегодня утром к Штабу, мне бросились в глаза два огромных красных флага, примерно в две сажени длиной, висевшие по обе стороны главного входа в здание городской Думы. Вензеля Государя и Государыни из разноцветных электрических лампочек уже были сняты. Государь со вчерашнего дня "во дворце", и он может из окошек круглой комнаты, в которой обыкновенно играл наследник, видеть этот новый "русский флаг"»*.

Около 10 часов утра я был свидетелем проявления "радости" Георгиевским батальоном по случаю провозглашения нового режима в России. Сначала издали, а затем все ближе и ближе стали доноситься звуки военного оркестра, нестройно игравшего марсельезу. Мы все, находившиеся в это время в оперативном отделении, подошли к окнам. Георгиевский батальон в полном составе, с музыкой впереди, направляясь в город, проходил мимо Штаба. Толпа, главным образом мальчишки, сопровождала его. Государь, стоя у окна, мог наблюдать, как лучшие солдаты армии, герои из героев, имеющие не менее двух георгиевских крестов, так недавно составлявшие надежную охрану Императора, демонстративно шествуют мимо Его, проявляя радость по случаю свержения Императора... Нечто в том же духе сделал и "Конвой Его Величества". Начальник Конвоя генерал граф Граббе явился к Алексею с просьбой разрешить снять вензеля и переименовать "Конвой Его Величества" в "Конвой Ставки Верховного Главнокомандования".

*И вспомнились мне швейцарцы – наемная гвардия Людовика XVI, вся, до единого солдата, погибшая, защищая короля»*¹²⁵.

Сам Император вспоминал об этой своей последней поездке в Могилев, в который приехала также Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, повидаться с сыном: *«Некоторые эпизоды были исключительно неприятными. Мама возила меня на моторе по городу, который*

был украшен красными флагами и кумачом. Моя бедная мама не могла видеть эти флаги. Но я на них не обращал никакого внимания; мне все это показалось таким глупым и бессмысленным! Поведение толпы, странное дело, противоречило этой демонстрации революционерами своей власти. Когда наш автомобиль проезжал по улицам, люди, как и прежде, опускались на колени»¹²⁶.

6 марта Николай II простился со Ставкой. Н.А. Павлов в своей книге писал: «Государь все время спокоен. Одному Богу известно, что стоит Ему это спокойствие. Лишь 3-го марта, привезенный обратно в Ставку, Он проявляет волнение. Сдерживаясь, стараясь быть даже веселым, Он вышел из поезда, бодро здороваясь с великими князьями и генералитетом. Видели, как Он вздрогнул, увидав шеренгу штаб-офицеров. Государь всех обходит, подавая руку. Но вот конец этой шеренге... Крупные слезы текли по Его лицу, и, закрыв лицо рукой, Он быстро вошел в вагон... Прощание со Ставкой и армией. Государь видимо сдерживает волнение. У многих офицеров на глазах слезы. Наступила еще и последняя минута... Где-то тут должны нахлынуть тени Сусанина, Бульбы, Минина, Гермогена, Кутузова, Суворова и тысяч бывших верных. Здесь и гвардия, военное дворянство, народ... Слезы офицеров – не сила... Здесь тысячи вооруженных. И ни одна рука не вцепилась в эфес, ни одного крика "не позволим", ни одна шапка не обнажилась, никто не кинулся вперед, и в армии не нашлось никого, ни одной части, полка, корпуса, который в этот час ринулся бы сломя голову на выручку Царя, России... Было мертвое молчание»¹²¹.

Чего стоили Николаю II эти псковские и Могилевские дни, хорошо видно из воспоминаний Юлии Ден, которая была поражена тем, как изменился Император: «Когда мы вошли в красный салон, и свет упал на лицо Императора, я вздрогнула. В спальне, где освещение было тусклое, я его не сумела разглядеть, но сейчас увидела, насколько он изменился. Смертельно бледное лицо покрыто множеством морщинок, виски совершенно седые, вокруг глаз синие круги. Он походил на старика»¹²⁸.

8 марта 1917 года Император Николай II отдал свой последний приказ по армии: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот – изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе святой великомученик и победоносец Георгий. НИКОЛАЙ. 8 марта 1917 года. Ставка. Подписал: начальник штаба, генерал Алексеев».

«Трудно встретить более благородное, более сердечное и великое в своей простоте прощальное слово Царя, который говорит только о счастье оставленного им народа и благополучии Родины. В этом прощальном слове сказалась вся душа Государя и весь его чистый образ», – писал генерал Дубенский¹²⁹. Об этом же пишет и С.И. Мельгунов: «Может ли кто-

нибудь, прочитав приказ, написанный в ту минуту, когда, утратив свое высокое положение, он был арестован³, поверить, что Император был лицемерен?!»¹³⁰

«Демократическое» Временное правительство побоялось довести последний приказ Царя до армии. Специальной телеграммой Гучкова на имя Алексева категорически запрещалось передавать приказ в войска. Алексеев, столь недавно рыдавший при прощании с Государем, немедленно исполнил этот приказ, хотя он даже не был подчинен военному министру. *«До Государя, – пишет Дубенский, – на другой день дошло известие о запрещении публиковать его прощальное слово войскам, и Его Величество был глубоко опечален и оскорблен этим непозволительным распоряжением»*

Почему же Временное правительство так испугалось этого спокойного и внешне ему совершенно не опасного приказа свергнутого Царя? *«Почему? – вопрошает Мельгунов. – Не потому ли, что прощальное слово вступало в резкую коллизию с настроением либеральной общественности, воспринимавшей и оправдывавшей переворот как неизбежную реакцию на антипатриотическую позицию старой власти? Не потому ли, что впечатление, полученное Бюкененом⁴, могло совпасть с аналогичным в армии, которое не могло бы оправдать ни ареста бывшего Императора, ни юридического расследования его прикосновенности к воображаемой "измене"?»*¹³²

Свержение Николая II означало не только военное поражение России. С уходом русского Царя из политики уходят нравственное начало, бескорыстие, верность слову, благородство и искренность, то есть те качества, которые последний русский Царь возвел в основы своей государственной деятельности и которые были свойственны вообще русскому самодержавию. *«Получилось так, – писал Г.М. Катков, – что самодержавие как институт дает самые благоприятные условия для воспитания личности, совершенно чуждой стяжательству и низким инстинктам, той личности, о которой думал Достоевский, создавая своих положительных героев».*

Флигель-адъютант Николая II полковник А.А. Мордвинов писал: *«Он был, быть может, не властным Царем, но был большим человеком, что важнее, человеком, что бы там ни говорили, с большой волей, с волей не напоказ, и с большим сердцем; человеком, умевшим сдерживать себя, не думать о себе, подчинять свои собственные побуждения чувству долга, не заискивать перед другими и не примиряться с тем, чему противилась его совесть. Ни перед кем наша Родина не должна себя чувствовать такой виноватой, как перед ним. У нее даже нет оправдания, что он "сам подставил себя под удары рока". Не рок, а люди – русские люди, которых он так любил, в которых верил, которыми гордился, сделали его жизнь в конце столь несправедливо несчастной и столь захватывающе великой в этом несчастий, что вряд ли когда-либо подобное видел свет.*

Но каким несчастьем оказался его уход для нашего "великого просвещенного века" когда короли, под давлением парламентов, вынуждены пожимать руки палачам и вора и не имеют возможности удержать своих министров от тесных соглашений с убийцами и грабителями. Эти властные веления текущих дней, подкрепленные волей даже парламентов всего мира, не смутили бы ушедшего "безвольного" Царя. Они бы нашли у него достойный ответ. Их, может быть, и не было бы вовсе, если бы он продолжал царствовать, как и раньше, не только на страх врагам человеческой совести, не мирящейся с жадностью к золоту, обгащенной кровью невинных людей... Его, вдохновителя и создателя первой конференции мира, проникнутого любовью к человечеству, верившего в необходимость и в политике заветов Христа, уже больше нет на виду у всех... Великой, нравственной, сдерживающей силы стало меньше на

³ Узнав о приказе Николая II, Бюкенен писал: «Государь показал себя с самой благородной стороны. Все личные соображения были им отброшены, и все его мысли были направлены на благо Родины». – П.М.

⁴ 8 марта 1917 года Временное правительство объявило Николая II «лишенным свободы». – П.М.

свете. Остались только царствующие, но не управляющие короли, пугливо подчиняющиеся велениям парламентов, да и сами парламенты, громкие слова которых прикрывают лишь низменные побуждения выгод минуты. Остались, правда, во всех странах еще несколько благородных людей, взывающих к разуму и человеческой совести. Их голос еще изредка звучит довольно громко, но для толпы, в которую превратились народы, их призывы не убедительны – она имеет возможность и желание их не исполнять, при молчаливом согласии призрачных правительств. Сознают ли те, кто вызвал отречение русского Царя, какой неизменной, благодетельной силой этот Царь был и мог бы быть для народов и какое преступление совершено ими перед Богом и всеми людьми? Я чувствую, что такого сознания нет даже у многих русских, но хочу верить и уже верю, что оно наконец к ним придет.

Без такой веры стоит ли даже мечтать о крепкой, христианской России, а без крепкой России кто может спокойно жить на свете!»

8-го марта 1917 года, уже лишенный свободы, Николай II отбыл из Могилева в Царское Село. Когда Государь сел в поезд, то заметил несколько гимназисток, которые стояли на платформе, пытаясь увидеть Императора. Государь подошел к окну. Заметив Императора, гимназистки заплакали и стали показывать знаками, чтобы Государь им что-нибудь написал. Николай II написал на бумаге свое имя и передал девочкам, которые продолжали стоять на перроне, несмотря на сильный мороз, до самого отправления поезда¹³³.

Одна женщина со слезами на глазах обратилась к Императору со словами: *«Не уезжай, Батюшка! Ты – слава и надежда нашей Родины. Ты еще поведешь наши войска к победе!»*¹³⁴

Утром 9-го марта 1917 года царский поезд в последний раз доставил Государя в Царское Село. Император в поезде простился с членами свиты. После остановки состава многие члены свиты поспешно покинули его, стремясь как можно быстрее оставить свергнутого Монарха, пребывание возле которого становилась небезопасным для их благополучия. Государь, в черкеске 6-го Кубанского Казачьего батальона с орденом св. Георгия на груди, молча вышел из вагона и поспешно сел в автомобиль в сопровождении князя В.А. Долгорукова. Через некоторое время автомобиль с Государем и сопровождавший его конвой остановились перед воротами Александровского дворца. Ворота были заперты. Часовые не пропускали царский автомобиль. Через несколько минут к воротам вышел какой-то прапорщик и громким голосом произнес: «Открыть ворота бывшему Царю!» Часовые раскрыли ворота, автомобиль въехал, и ворота захлопнулись. Царствование Императора Николая II кончилось – начался Крестный путь Царя-Мученика.

* * *

1 Платонов О.А. Терновый венец России. История цареубийства. М., 2001, с. 205.

2 Боханов А.И. Николай II. М., 1997, с. 359.

3 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных, с. 55–56.

4 Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996, с. 633.

5 Кирилл Владимирович, великий князь. Моя жизнь на службе России. 1996, с. 234.

6 Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М., с. 260.

7 Александр Михайлович, великий князь. Указ. соч. С. 259–260.

8 Кирилл Владимирович великий князь. Указ. соч. С. 234.

9 Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм-Берлин, 1921, с. 1.

10 Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту (заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931, с. 102.

- 11 Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 94–102.
- 12 Мельгунов С.П. Указ. соч. С.6.
- 13 Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991, с. 404.
- 14 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 450.
- 15 Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998, с. 582.
- 16 Брачев В.С. Русское масонство XVIII–XX веков. СПб., 2000, с. 297.
- 17 Брачев В.С. Указ. соч. С. 298.
- 18 Г.М. Февральская революция, Париж, 1984, с. 182.
- 19 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г., М., 1991, с. 106.
- 20 Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. СПб., 1998, с. 74.
- 21 Брачев В.С. Указ. соч. С. 300.
- 22 Кобылин В. Указ. соч. с. 182.
- 23 Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. М., 1986, с. 125.
- 24 Винберг Ф. Крестный путь. Корни зла. Мюнхен, 1922, с. 164.
- 25 Воейков В.Н., Указ. соч. С. 116.
- 26 Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004, с. 449.
- 27 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999, с. 228.
- 28 Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935, т. 3, с. 359.
- 29 Алексеева И.В. Агония Сердечного Соглашения. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990, с. 243.
- 30 Винберг Ф. Указ. соч. С. 170.
- 31 Бьюкенен Джордж. Мемуары дипломата. М., Минск, 2001, с. 220.
- 32 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 226.
- 33 Архив Русской Революции. (Далее АРР). М., 1991, т. 3–4.
- 34 Правые партии. 1905–1917. Сборник документов и материалов. М., 1998, т. 2, с. 586.
- 35 Дневники и документы из личного архива Николая II. Минск, 2003, с. 365.
- 36 Спиридович А.И. Указ. соч. С. 447.
- 37 Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1993, с. 248.
- 38 «Николай II в секретной переписке». С. 643.
- 39 <http://www.rusk.ru>
- 40 Botkin Gleb. Grandeur et Misere des Romanovs. Paris, Edition siecle, 1932, P. 117.
- 41 Botkin Gleb. Ob. Sit, P. 159.
- 42 Березов П. Свержение двуглавого орла. М., 1967, с. 48.
- 43 Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб., 1991, с. 614.
- 44 <http://www.rusk.ru>
- 45 Дневники и документы из личного архива Николая II. С. 192.
- 46 Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 607–608.
- 47 АРР. Т. 3–4, с. 24.
- 48 АРР. Т. 2–3, с. 22.
- 49 «Наша Страна», 1952, март, № 119.
- 50 Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Врубовой. М., 1991, с. 196.
- 51 Фрейлина Ее Величества. С. 196.
- 52 Катков Г.М. Указ. соч. С. 245–246.

- 53 Ден Юлия. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб., 1999, с. 120.
- 54 Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927, с. 85.
- 55 Воейков В.Н. Указ. соч. С. 120.
- 56 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 229.
- 57 Ден Юлия. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб., 1999, с. 120.
- 58 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 458.
- 59 Там же. С. 228.
- 60 Воейков В.Н. С Царем и без Царя. М., 1994, с. 120–121.
- 61 Ферро Марк. Николай II. М., 1991, с. 215.
- 62 АРР. Т. 2–3, с. 25.
- 63 Ломан Ю.Д. Воспоминания крестника Императрицы. Автобиографические записки. СПб., 1994, с. 73.
- 64 РГИА, ф. 476, он. 1, д. 1921.
- 65 РГИА, ф. 516, он. 1/241/2890, д. 9.
- 66 РГИА, ф. 516, он. 1/241/2890, д. 9.
- 67 Отречение Николая II. С. 42.
- 68 Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961, с. 153.
- 69 Николай II в секретной переписке. М., 1996, с. 655.
- 70 Николай II в секретной переписке. С. 653.
- 71 Отречение Николая II. С. 45.
- 72 Отречение Николая II. С. 90.
- 73 Платонов О.А. Николай II. СПб., 1999, с. 413.
- 74 РГИА, ф. 516, он. 1/241/2890, д. 9.
- 75 Воейков В.Н. Указ. соч. С. 124.
- 76 АРР. Т. 3–4, с. 248.
- 77 Воейков В.Н. Указ. соч. С. 124.
- 78 АРР. Т. 3–4, с. 248.
- 79 АРР. Т. 3–4, с. 248.
- 80 Памятные дни. С. 40–41.
- 81 Кобылин В. Указ. соч. С. 259.
- 82 Отречение Николая II.
- 83 АРР. Т. 3–4, с. 249.
- 84 Криворотов В. На страшном пути до Уральской Голгофы. (Страшное иго). Мадрид, 1975, с. 39.
- 85 Воейков В.Н. Указ. соч. С. 126.
- 86 Отречение Николая II. С. 95.
- 87 Спиридович А.И. Указ. соч. С. 588.
- 88 РГИА, ф. 516, он. 1/241/2890, д. 9.
- 89 Спиридович А.И. Указ. соч. С. 589.
- 90 Катков Г.М. Указ. соч. С. 311.
- 91 Ломоносов Ю.В. Указ. соч. С. 33–34.
- 92 Мстиславский С. Гибель царизма. Л., 1927, с. 78.
- 93 АРР. Т. 1–2, с. 20.
- 94 Отречение Николая II. С. 96.
- 95 Иоффе Г.З. Крах Российской монархической контрреволюции. М., 1977, с. 35.
- 96 Катков Г.М. Указ. соч. С. 418.
- 97 Отречение Николая II. С. 104.

- 98 Ден Ю. Указ. соч. С. 163.
- 99 Отречение Николая II. С. 62.
- 100 Отречение Николая II. С. 62.
- 101 С.Д. Боткин. «Что было сделано для спасения Императора Николая II». В кн.: «Русская летопись», кн. 7. Париж, 1925, с. 208.
- 102 Отречение Николая II. С. 22.
- 103 Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо русской истории. М., 2000, с. 470.
- 104 Ден Ю. Указ. соч. С. 165.
- 105 Царь-Колокол. 1990, № 1.
- 106 Константин (Зайцев), архимандрит. Указ. соч. С. 457.
- 107 Иоффе Г.З. Указ. соч. С. 52.
- 108 Серафим (игумен). Православный Царь-Мученик. М., 1996, с. 151.
- 109 М. Сафронов. «Гибель богов. Ложь и правда об отречении Николая II». В газ.: Секретные материалы. 2002, № 4 (74), 5 (75).
- 110 Кобылин В. Указ. соч. С. 309.
- 111 Платонов О.А. Терновый венец России. История царевубийства. М., 2001, с. 201.
- 112 Кобылин В. Указ. соч. С. 309. из
- 113 Троцкий Л. История русской революции. Берлин, 1931, т. 1, с. 112–113.
- 114 Боханов А.Н. Николай II. С. 359.
- 115 Дневники Императора Николая II. С. 625.
- 116 Воейков В.Н. Указ. соч. С. 150.
- 117 Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии.
- 118 Февраль-сентябрь 1917 г. М., 1991, с. 54. [http: // www.blagoslovenie. ru](http://www.blagoslovenie.ru)
- 119 Протоиерей Александр Шаргунов. Указ. соч. С. 12.
- 120 Царь-Колокол. 1990, № 1.
- 121 Позднышев С. Распи Его. Париж, б/д., с. 336.
- 122 Позднышев С. Указ. соч. С. 349.
- 123 Двуглавый орел. Вестник Высшего Монархического совета. Париж, 1927, № 7.
- 124 Русская Летопись, кн. 7, Париж, 1925, с. 156–172.
- 125 Пронин В.М. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930, с. 50–51.
- 126 Ден Юлия. Указ. соч. С. 163.
- 127 Павлов Н.А. Его Величество Государь Николай II. Париж, 1927, с. 153.
- 128 Ден Ю. Указ. соч. С. 160.
- 129 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 461.
- 130 Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991, с. 39.
- 131 Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. С. 462.
- 132 Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. С. 40.
- 133 Ден Ю. Указ. соч. С. 163.
- 134 Alexandrov (Victor). La fin des Romanovs. Edition Alsatia, Paris, 1968, P. 99.

Глава 2

Керенский и судьба Царской Семьи

Какую цель преследовал Керенский, отправляя Царскую Семью в Тобольск и почему местом ссылки был выбран далекий сибирский город?

Долгое время многие исследователи, как в эмигрантской, так и в советской историографии, пытались навязать представление, что Керенский был просто ничтожеством, неспособным ни к какой работе. Когда же речь шла о судьбе Царской Семьи, то и советская, и большая часть западной историографии утверждали, что Керенский хотел ее вывезти из России. При этом советские авторы утверждали, что Керенский это делал по причине своей «контрреволюционности», а западные – из-за своей «гуманности». Объективные исторические факты опровергают обе концепции.

Характер Керенского, безусловно, способствовал той роли, какую он играл на российской исторической сцене с февраля по ноябрь 1917 года – роли революционного трибуна. Керенский от природы был одарен артистически и с молодых лет был склонен к лицедейству. Свои гимназические письма к родителям он неизменно подписывал: *«Будущий Артист Императорских Театров А. Керенский»*¹. Керенский много выступал на сцене, *«где его бесспорной актерской удачей, по общему признанию, была роль Хлестакова, написанная как будто исключительно для него»*². Собственно он им и был – Хлестаковым от революции, и так же, как и гоголевский персонаж, Керенский все время выдавал себя за другого, все время играл чью-то роль.

Его взлет в 1917 году не раз вызывал удивление своей «внезапностью». Казалось, Керенский мало подходил на роль «вождя великой и бескровной». Соратник Керенского по Временному правительству В.Д. Набоков писал: *«Ни в нем самом, ни в том, что приходилось о нем слышать, не только не было ничего выдающего хотя бы отдаленную возможность предполагать будущую его роль, но вообще не было никаких данных, останавливающих внимание. Один из многих политических защитников, далеко не первого разряда. Трудно даже себе представить, как должна была отразиться на психике Керенского та головокружительная высота, на которую он был вознесен в первые дни и месяцы революции. В душе своей он все-таки не мог не сознавать, что все это преклонение, идеализация его – не что иное, как психоз толпы, что за ним, Керенским, нет никаких заслуг, и умственных или нравственных качеств, которые бы оправдывали такое истерически-восторженное отношение»*³.

Безусловно, что во Временном правительстве были люди, куда более рассудительные и способные, чем Керенский. Но у Керенского было одно преимущество: он возглавлял масонскую ложу «Великий Восток народов России» (ВВНР), главного представителя «Великого Востока Франции» в России. Об этой принадлежности Керенского к высоким масонским должностям никогда не следует забывать.

Масонство, чья первая попытка прийти к власти в России в декабре 1825 года была пресечена железной рукой Императора Николая Павловича, в начале XX века вновь набирает силу. К началу Первой мировой войны масонские агенты влияния проникли практически во все институты государственной власти, общественные организации и политические партии. Членами различных лож числились многие генералы, губернаторы, руководители дворянства и даже великие князья. В настоящей работе нет возможности подробно останавливаться на причинах этого явления. Скажем только, что русское общество было заражено масонским духом. Крупнейший масон князь Д.И. Бебутов писал: *«Сила масонства в том, что в него входят люди различных слоев, различных положений и таким образом масонство в целом имеет возможность действовать на все отрасли государственной жизни»*⁴. Во время революции 1905 года в полной мере выявилось глубокое проникновение масонства в самые высшие сферы вла-

сти. Так, например, масоны, состоявшие членами военно-полевых судов, специально выносили мягкие и оправдательные приговоры террористам. Видный масон А.И. Браудо получал от высшего чиновничества сведения о секретных совещаниях у Государя, а также секретные документы⁵.

При этом русское масонство никогда не было самостоятельным явлением. Оно было производным от масонства западного. Ничего своего, нового, русские масоны не изобрели, а лишь слепо копировали уставы и обряды многочисленных лож Западной Европы, добавляя к ним свойственные русской интеллигенции несобранность и болтливость. Для западного масонства русские «братья» были нужны только в качестве «пятой колонны», той силы, которая должна была расшатать русский императорский строй и сделать возможным масонскую революцию. Как писал видный масон

В.П. Обнинский в 1909 году: *«Почти столетие мирно спавшее в гробу русское масонство показалось воскресшим к новой жизни. Оставив там, в гробу этом, внешние оказательства, в виде орудий ритуала и мистических книг, оно выступило в эмансипированном виде политических организаций, под девизом которых "свобода, равенство, братство", могли соединиться чуть ли не все политические группы и партии, соединиться для того, чтобы свергнуть существующий строй»*⁶.

Русское масонство выполнило поставленную старшими иностранными ложами задачу, сыграв огромную роль в свержении Императора Николая II и уничтожении монархии в России. Среди активных масонских деятелей этой эпохи, безусловно, был А.Ф. Керенский.

Керенский стал масоном в 1912 году. Сам он об этом пишет следующее: *«Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и я принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. <...> Был ликвидирован сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь неперемнная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов их и их способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчеты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и задачах общества»*⁷.

Что же это была за такая таинственная организация, куда в 1912 году вступил Керенский и какие она преследовала цели? Это была ложа «Полярная звезда». Возникла она 15 января 1906 года в Петербурге и была дочерней ложей «Великого Востока Франции». На ее открытии присутствовали видные представители «Великого Востока» – Сеншоль и Буле⁸. В 1908 году «Полярная звезда» получила из Парижа право самостоятельно открывать новые ложи в России. К концу 1909 года масонские ложи были созданы в Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринославе и ряде других крупных городов Российской империи. В 1909 году «Полярная звезда» создает так называемую «Военную ложу», куда вошли некоторые русские генералы и старшие офицеры (М.В. Алексеев, Н.В. Рузский, А.А. Брусилов, А.И. Деникин, А.В. Колчак и другие). В 1917 году «Военная ложа» сыграет одну из решающих ролей в заговоре против Императора Николая II. Масонский автор Г. Орлов пишет: *«В 1912 году масонская деятельность возобновилась, но на новых началах. <...> Эти ложи носили исключительно политическо-революционный характер, строго конспиративный, члены одной ложи не могли посещать другие»*⁹.

Вся деятельность русских масонов происходила под неусыпным наблюдением масонов французских. *«Вся работа, – пишет И.Р. Шафаревич, – проводилась в тесном сотрудничестве с французским масонством. Направлялись "братские" миссии из России во Францию и из Франции в Россию»*¹⁰.

То, что «Полярная звезда» была частью французского «Великого Востока» видно по тому факту, что после большевистской революции, оказавшись в эмиграции, руководство ложи воз-

обновило свою деятельность на rue Cadet 16 в Париже, то есть в том же здании, где располагается до сих пор «Великая Ложа Великого Востока». «Венераблем» «Полярной звезды», то есть ее главой, стал Н.Д. Авксентьев, будущий министр и товарищ Керенского¹¹.

Таким образом, деятельность «Полярной звезды» изначально носила ярко антиправительственный характер и была нацелена на свержение русского самодержавия. Достаточно сказать, что среди ее членов был такой ненавистник русской государственности, как украинский националист Симон Петлюра.

К 1913 году масонство становится реальной антицарской и антирусской силой, и «Великий Восток» решает соединить все масонские организации в один кулак. В 1913 году, накануне Мировой войны, создается «Великий Восток народов России», во главе которого стоял Верховный Совет. 16 декабря 1916 года Керенский занял должность Генерального секретаря ВВНР. Интересно, что в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в Петрограде был злодейски убит Г.Е. Распутин, чье убийство стало первым выстрелом революции.

Вся политическая карьера Керенского творилась и направлялась западными масонами. Большевик В.Д. Бонч-Бруевич писал, что Керенский был *«вспоен и вскормлен масонами, еще когда он был членом Государственной Думы и был специально воспитываем ими»*¹².

*«В течение всего 1916-го и в начале 1917 года, – пишет современный историк В. Ерофеев, – Керенский стремительно усиливает свое влияние в кулуарах российской политики. Именно руководящей ролью в тайной масонской организации можно объяснить тот факт, что при формировании Временного правительства 2 марта 1917 года Керенского сразу выдвинули на пост министра юстиции. Уже с 30 апреля он стал военным министром, а с 8 июля занял кресло главы (министра-председателя) Временного правительства»*¹³.

*«А.Ф. Керенский, – писал А. Демьянов, – в составе кабинета с самого начала стал играть первенствующую роль. Это сказалось и в том, что в то время, когда искали людей для назначения на различные ответственные должности, кандидаты, указанные Керенским, почти все проходили. Популярным Керенский оказался и среди иностранных представителей, которые по различным вопросам считали нужным заходить к нему, хотя дело относилось к ведению других министров»*¹⁴.

Эта принадлежность к масонству делала из Керенского человека, не способного на самостоятельную политику, вернее, его политика преследовала сначала интересы Великого Востока Франции, и только потом интересы российского правительства.

Керенский сам раскрывал свою подневольную сущность, когда говорил о своих ощущениях во время выступлений перед аудиторией: *«Что скажу – не знаю. Повеление, приказ, что сказать, идет откуда-то, из глубины. Такой приказ, которого послушаться нельзя, – строгий настойчивый приказ. Слова подбираю только вначале, перед тем как начать. Ведь приказ должен быть передан точным и ясным языком»*¹⁵.

Эти слова, которые сами по себе удивительно похожи на масонские тексты, точно определяют суть Керенского, как политического деятеля – исполнителя чужих приказов.

Эту сущность Керенского хорошо понял великий русский физиолог И.П. Павлов, когда говорил: *«О, паршивый адвокатшика, такая сопля во главе государства – он же загубит все!»*¹⁶

*«Душа Керенского была "ушиблена" той ролью, которую история ему – случайному, маленькому человеку – навязала, и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно провалиться»*¹⁷ (В.Д. Набоков).

Это утверждение Набокова верно лишь отчасти. Керенский, конечно, не обладал никакими государственными или политическими талантами, был мелкой и слабовольной личностью. Ошибочно было бы думать, что Керенский определял события. Поставившая его у власти масонская сила эгоистично требовала от него продолжения войны во что бы то ни стало

и тем самым готовила Керенскому политическое самоубийство. Не Керенский «бесславно и бездарно провалился», а его бездарно и бесславно провалил «Великий Восток». *«Временное правительство, – писал Ф. Дан, – слепо шло на поводу у дипломатов Антанты и вело и армию, и народ к катастрофе»*¹⁸.

Н.Н. Берберова пишет: *«Между январем и августом 1917 года в Россию приезжали члены французской радикальной социалистической партии, которая во Франции в это время быстрым шагом шла к власти. Эти люди приезжали напомнить ему (Керенскому. – П.М.) о клятве, данной им при принятии его в члены тайного общества, в 1912 году, в случае войны никогда не бросать союзников и братьев по Великому Востоку, тем самым не давая ему возможности не только стать соучастником тех, кто желал сепаратного мира, но и обещать его. <...> Чтобы скрыть свою связь с масонами и сдержать клятву, данную Великому Востоку, Керенский говорил после 1918 года в Лондоне, что он потому хотел продолжать войну, что считает, что царский режим хотел сепаратного мира. Мельгунов считает, что царский режим этого никогда не хотел, но выдумка Керенского очень удобно помогла ему скрыть действительную причину желания продолжить войну во что бы то ни стало: связь с масонами Франции и Англии и масонская клятва»*¹⁹.

Полная подконтрольность Керенского масонской власти отнюдь не означает, что Керенский не обладал вообще никакой властью. Наоборот, в рамках масонского ставленника, в рамках исполнителя, Керенский должен был обладать огромной властью. В первые постфевральские месяцы газеты, журналы, митинги – всё кричало о «великом народном вожде». Вот что, например, писал в «Ниве» о Керенском некий В.В. Кирьянов: *«Кому неизвестно теперь имя Александра Федоровича Керенского – первого гражданина свободной России, первого народного трибуна-социалиста, первого министра юстиции, министра правды и справедливости? Изодня в день пишут теперь об А.Ф. Керенском в газетах и журналах всего мира: десятки приветственных телеграмм летят к нему из всех концов России и Европы; сотни deputаций от русских и иностранцев приветствуют в его лице революционный русский народ, создавший «улыбающуюся», справедливую, благородную революцию. Словом, нет теперь популярнее человека, нет известнее имени Александра Федоровича Керенского...»*²⁰

Этот панегирик можно было продолжать без конца. В 1917 году Временное правительство выпускает памятный жетон, посвященный Керенскому. Этот жетон имел на аверсе портрет Керенского, а на реверсе надпись: *«Славный, мудрый, честный и любимый вождь свободного народа»*. Это повсеместное славословие Керенского, изображение его как «друга народа», «народного вождя» было призвано оправдать установление в его лице диктатуры масонства, прикрытой словесной «демократической» завесой. Другое дело, что на нужного западному масонству диктатора Керенский не походил. Он был выдающийся демагог и ниспровергатель, но бездарный руководитель. Это хорошо понимали даже его коллеги из Временного правительства. Адвокат Н.П. Карабчевский приводит слова председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова, сказанные им о Керенском: *«Вы хорошо его знаете, ведь он из вашего адвокатского круга... Вы верно судите: он был на месте со своим истерическим пафосом, только пока нужно было разрушать. Теперь задача куда труднее. Одного истерического пафоса ненадолго хватит. Теперь и без того кругом истерика, ее врачевать надо, а не разжигать!»*²¹

Но именно такой, «истеричный ниспровергатель» в качестве «демократического» диктатора и был нужен западным союзникам. Он был управляем, предсказуем, а главное, покорен. Берберова пишет о «требованиях, почти приказах», которые Керенский получал от западных союзников. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что действия Керенского и возглавляемого им Временного правительства есть, в большей своей части, действия «Великого Востока» Франции, а так как большинство государственных и политических деятелей Французской республики того времени были членами того же «Великого Востока», то и, в

значительной степени, действиями французского правительства. По действиям Керенского во многом можно судить о той политике, какую западные державы проводили в России после февральского переворота. Несомненно, это касается и Царской Семьи.

Керенский был одним из первых, кто открыто, в циничной и вызывающей манере высказался за убийство Императора Николая II. Это было сделано в преддверии февральской революции, с трибуны Государственной Думы. 27 февраля 1917 года он громогласно заявил: *«Министры – это не что иное, как мимолетные призраки. Для того чтобы предотвратить катастрофу, необходимо устранить самого Царя, не останавливаясь, если не будет другого выхода, перед террористическими насильственными действиями»*.

Керенский сыграл одну из решающих ролей в отказе великого князя Михаила Александровича воспринять престол. Керенский неоднократно во время своих выступлений говорил, что он республиканец и враг монархии. При этом Керенский позднее уверял, что ни его, ни других членов Временного Правительства вовсе не волновала поначалу судьба Царя. *«В первые дни революции, – показывал он, – не было принято решительно никаких мер ни в отношении самого Николая II, ни в отношении Александры Феодоровны. Это объяснялось теми настроениями, какие были тогда в отношении Них у Временного правительства. Старый строй рухнул столь решительно, факт этот был столь быстро общепринят всей страной, без малейшей попытки со стороны кого бы то ни было защищать его, что личность Николая II совершенно не внушала каких-либо опасений Временному правительству. Он настолько был кончен, что Его личность, как политическая величина, совершенно не существовала, и Временное правительство не интересовалось Им. Ему было разрешено выехать в Могилев проститься с войсками, как Он желал»*²².

Это утверждение Керенского ложно изначально. Во-первых, необходимо помнить, что Император Николай II формально отрекся от престола добровольно, представители Государственной Думы благодарили его за этот «жертвенный шаг во имя России», дали гарантии личной безопасности его и его Семьи. В.Д. Набоков писал: *«В сущности говоря, не было никаких оснований – ни формальных, ни по существу – объявлять Николая II лишенным свободы. Отречение его не было формально вынужденным. Подвергать его ответственности за те или иные поступки его в качестве императора было бы бессмыслицей и противоречило бы аксиомам государственного права. При таких условиях правительство имело, конечно, право к обезвреживанию Николая II, оно могло войти с ним в соглашение об установлении для него определенного местожительства и установить охрану его личности»*²³.

Свергнутый Император передал Временному правительству собственноручно написанные следующие требования:

- «1) О беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село.*
- 2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами.*
- 3) О беспрепятственном проезде до Романова на Мурмане с теми же лицами.*
- 4) О приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму – в Ливади»*²⁴.

Здесь необходимо отметить следующее: Государь не требовал отъезда за границу. Даже будучи заключенным в Царском Селе, он не выдвигал этого требования. Подруга Императрицы Александры Феодоровны Ю.А. Ден писала: *«Государь и Императрица не желали оставлять Россию. "Я лучше поеду в самый дальний конец Сибири", – заявлял Император. Ни ему самому, ни Государыне была не приемлема мысль о том, что придется странствовать по всему континенту, жить в швейцарских гостиницах в качестве бывших Их Величеств, попадать в объективы фотоаппаратов репортеров иллюстрированных изданий и давать интервью шустрым*

американцам. Их натурам претила всякая дешевая реклама и популярность; оба полагали, что долг каждого русского оставаться в России и вместе смотреть в лицо опасности»²⁵.

Императрица Александра Феодоровна говорила графине А.В. Гендриковой: *«Меня угнетает мысль о нашем скором отъезде за границу. Покинуть Россию мне будет бесконечно тяжело. Хотя я не русской родилась, но сделалась ею. За двадцать три года царствования, когда все интересы, вся жизнь России были так неразрывно близки и дороги, я забыла и думать о том, что по рождению я – не русская. Даже теперь, несмотря на все, что мы испытываем, я русский народ не виню и продолжаю всюю душой любить и жалеть. Он обманут, этот несчастный народ, и сам страдает, и сколько еще будет страдать.*

Чем жить где-нибудь в Англии, в королевском замке, на положении почетных изгнанников, я предпочла бы, чтобы нам дали какой-нибудь маленький, безвестный уголок земли, но здесь, у нас в России»²⁶.

Когда ей предложили написать письмо английской королеве с просьбой о помощи, Государыня ответила: *«Мне нечего просить у английской королевы»*, а на аналогичное предложение англичанина мистера А. Стопфорда написать письмо Георгу V, Императрица сказала: *«Я не могу этого сделать. Что я могу сказать в этом письме? Я слишком обижена и оскорблена поведением моей страны. Но и в этом я не могу осуждать Россию. Кроме того, Государь особенно встревожен. Он очень опасается, что его отречение и наступившая смута могут сорвать великое наступление. Нет, мы не можем сноситься с нашими родственниками»²⁷.*

Император Николай II, обращаясь к Временному правительству, говорил, что хочет остаться в России, а если его принудят уехать за границу, он будет воспринимать это как изгнание. К слову сказать, и в ответе Временного правительства от 6 марта 1917 года, сделанном князем Г.Е. Львовым, не было упоминания о выезде Царя за границу: *«Его Императорскому Величеству. <...> Временное правительство разрешает все три вопроса утвердительно; примет все меры, имеющиеся в его распоряжении: обеспечить беспрепятственный приезд в Царское Село, пребывание в Царском Селе и проезд до Романова на Мурмане. Министр-председатель князь Львов»²⁸.*

Безусловно, немедленная отправка Царя либо за границу, либо в безопасный регион России, например в Крым, отвечала не только интересам безопасности Царской Семьи, но и интересам Временного правительства. Но Временное правительство не выполнило полностью ни одного условия Царя. Более того, Временное правительство изначально стремилось к пленению Николая II.

Государь еще находился в Ставке, а в отношении него начинают предприниматься действия, ограничивающие его свободу. Причем эти действия были задуманы заранее и делались преднамеренно. 7-го марта 1917 года в Москве новый министр юстиции Керенский на заседании Совета выступил с речью. Позднее, в своих воспоминаниях, в русском и во французском изданиях, Керенский по-разному описывал это заседание. С.П. Мельгунов дает хороший анализ этих разночтений: *«Отвечая на яростные крики – "смерть Царю, казните Царя", Керенский сказал: "Этого никогда не будет, пока мы у власти". "Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность Царя и его семьи.*

Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу, в Англию, я сам довезу его до Мурманска". – Так написано в русском тексте воспоминаний Керенского. В иностранном издании автор подчеркивает, что он вынужден был сделать намек и разоблачить правительственный секрет в силу настойчивых требований Московского Совета. – "Вся атмосфера изменилась, словно под ударом хлыста", когда был поднят вопрос о судьбе Царя. Ответ Керенского вызвал, по его словам, в советских кругах величайшее негодование против Временного правительства.

Московские газеты того времени несколько по-иному освещают характер собрания – не только буржуазные "Русские ведомости", но и социалистическо-меньшевистский "Вперед". – "На эстраде стоит петербургский гость с широкой красной лентой, весь бледный, красный букет в его руках дрожит. <...> Затем на вопросы, заданные из среды собрания: "Где Романовы?", Керенский отвечает: "Николай II покинут всеми, и просил покровительства у Временного правительства... Я, как генерал-прокурор, держу судьбу его и всей династии в своих руках. Но наша удивительная революция была начата бескровно, и я не хочу быть Маратом русской революции... В особом поезде я отвезу Николая II в определенную гавань и отправлю его в Англию... Дайте мне на это власть и полномочия". Новые овации, и Керенский покидает собрание»²⁹.

Эсер Гедеоновский, присутствовавший на собрании, позднее вспоминал, что последние слова Керенского *«вызвали целую овацию»*³⁰. Таким образом, Совет, реакцией которого впоследствии Керенский и другие члены Временного правительства будут объяснять ссылку Царской Семьи в Тобольск, тогда, в марте 1917 года, своей овацией дал Керенскому «права и полномочия» на увоз Государя в Англию, а не на его арест. Воспользовался ли этим Керенский? Совершенно нет. Его действия были прямо противоположны его высказываниям. В тот же день, в Москве, на совете присяжных поверенных, Керенский на вопрос: «На свободе ли Романовы?», ответил: *«Романовы в надежном месте под надежной охраной. Все надлежащие меры приняты»*³¹.

Это была ложь, так как ни Государь, ни Государыня, ни вообще кто-либо из Царской Семьи к этому времени арестован не был. При этом, как справедливо замечает С.П. Мельгунов, *«никаких кровавых лозунгов в смысле расправы с династией никто (разве только отдельные, большие безымянные демагоги) в первые дни в массу не бросал»*³².

Тем не менее на следующий день, 8 (21) марта 1917 года, Государь, опять-таки обманым путем, был арестован. В Могилев прибыли члены Государственной Думы Бубликов, Вершинин, Грибунин и Калинин. В Ставке *«ждали их, думая, что они командированы Временным правительством "сопровождать" Императора в Царское. Но когда Государь сел в поезд, эти лица объявили ему через генерала Алексеева, что он арестован»*³³. В тот же день другой генерал, Л.Г. Корнилов, в Фиолетовой гостиной Александровского Царскосельского дворца объявил Императрице Александре Феодоровне, что она арестована. Таким образом, не прошло и суток после того, как Керенский громогласно заверял, что он не желает быть «Маратом русской революции» и что он «отвезет Царя в Мурманск», а Царская Семья, между тем, была лишена свободы. Слова Керенского, что «надлежащие меры приняты», стали понятны. Повторим при этом, что это лишение свободы было незаконным со всех точек зрения и внешне абсолютно бессмысленным: ведь по собственным заверениям Керенского, *«никакой опасности для нового строя члены династии не представляют»*. Если же они такую опасность все же представляли, то тем более, зачем было их задерживать в России, когда у Керенского был готов «специальный поезд», а путь на Мурманск открыт? Когда Карабчевский прямо спросил Керенского: *«Отчего Временное правительство не препроводит немедленно его с семьей за границу, чтобы раз навсегда оградить его от унижительных мытарств?»*, то тот не сразу ему ответил: *«Промолчав, он как-то нехотя процедил: "Это очень сложно, сложнее, нежели вы думаете"»*³⁴. Эти слова означают очень многое.

Итак, вместо отправки в г. Романов на Мурмане, как гарантировало Временное правительство Императору Николаю II, Царская Семья была заключена под стражу в Царском Селе. Когда же и кем было принято решение об аресте Императора и его Семьи, и чем руководствовались люди, это решение принимавшие?

Давая показания следователю Н. А. Соколову 14–20 августа 1920 года в Париже, Керенский заявил: *«Николай II и Александра Феодоровна были лишены свободы по постановлению*

заседания Временного правительства, состоявшегося 7-го марта. Были две категории причин, которые действовали в этом направлении. Крайне возбужденное настроение солдатских тыловых масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебно к Николаю. Вспомните мое выступление 7 марта в пленуме Московского совета. Там раздались требования Его казни, прямо ко мне обращенные <...> Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроении. Я понимал, что здесь дело гораздо больше не в самой личности Николая II, а в идее "царизма", пробуждавшей злобу и чувство мести. Протестуя, я, на свой страх, вынужден тогда был искать выхода этим чувствам и сказал про Англию: если суд не найдет Его вины, Временное правительство вышлет Его в Англию, и я сам, если нужно будет, буду сопровождать Его до границы России. Никаких оснований в действительности в то время у меня не было полагать, что этот вопрос будет фактически разрешен в этом смысле, так как к этому времени он еще не поднимался во Временном правительстве и никаких переговоров с правительством Англии в это время не велось. Не полагая, что возможен в этом отношении отказ Англии, я высказал эту мысль, борясь со злобой рабочих масс и не желая допустить пролития крови. Вот первая причина, побудившая Временное правительство лишить свободы Царя и Александру Феодоровну. Правительство, лишая Их свободы, создавало этим охрану Их личности. Вторая группа причин лежала в настроениях иных общественных масс. Если рабоче-крестьянские массы были равнодушны к направлению внешней политики Царя и Его правительства, то интеллигентно-буржуазные массы, и в частности высшее офицерство, определенно усматривали во всей внутренней и внешней политике Царя и в особенности в действиях Александры Феодоровны и Ее кружка ярко выраженную тенденцию развала страны, имевшего, в конце концов, целью сепаратный мир и содружество с Германией. Временное правительство было обязано обследовать действия Царя, Александры Феодоровны и Ее кружка в этом направлении. Постановлением Временного правительства от 4-го марта была учреждена Верховная Чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя. <...> Для того чтобы эта комиссия могла выполнить ее обязанности, необходимо было принять известные меры пресечения в отношении Николая и Александры Феодоровны. Эта необходимость и была второй причиной лишения Их свободы»³⁵.

Таким образом, первое, чем объясняет Керенский арест Государя, это необходимость обеспечить безопасность Государя и его Семьи. Это заявление Керенского – ложно. Мы видели, что никаких «требований» казни Царя на пленуме Совета не раздавалось, никакого «возбужденного настроения» против Государя не было. В показаниях Керенского 1920 года появляется очень интересное дополнение: если в речи 1917 года он говорит, что просто увезет Императора Николая II на «специальном поезде» в Мурманск, а потом в Англию, то в показаниях 1920 года этот отъезд уже возможен только после суда над Царем. Эта версия отправки в Англию через суд очень любопытна: в 1918 году этой же ложью комиссар Яковлев и его подручные будут объяснять вывоз Государя из Тобольска. Интересно, что другой видный деятель Временного правительства, министр иностранных дел П.Н. Миллюков, в показаниях Соколову от 12 июля 1921 года отрицал инициативу Керенского в отправке Царя в Англию. «Вряд ли, – говорил он, – прав Керенский, приписывая самому себе инициативу мысли об отъезде Царя в Англию, высказанную им 7-го марта в Москве. К этому моменту вопрос об отъезде Царя в Англию был уже решен во Временном правительстве»³⁶.

Запомним это признание Миллюкова: к 7-му марту Временное правительство имело четкое решение об отправке Царской Семьи в Англию. Таким образом, утверждая, что у него не было «никаких оснований полагать» и что ему удастся положительно решить вопрос об отправке Царской Семьи в Англию и что этот вопрос «еще не поднимался во Временном правительстве и никаких переговоров с правительством Англии в это время не велось», Керенский

в очередной раз лгал. Выступая на пленуме Советов 7-го марта, Керенский знал, что получено согласие английской стороны на отправку Государя в Англию. Но вместо этого 8-го марта Царская Семья была арестована.

Но вернемся к аргументам Керенского. Керенский, да и не только он, а и Г.Е. Львов, П.Н. Милюков, Дж. Бьюкенен утверждали, что причиной невозможности вывоза Царской Семьи за границу стало противодействие Временному правительству со стороны Петроградского Совета. Совет – вот та почти демоническая сила, которая, по утверждению Керенского и других, мешала Временному правительству спасти Царскую Семью. Что же представлял собой Петроградский Совет в марте 1917 года? Совет образовался 27 февраля 1917 года на основе Союза петроградских рабочих кооперативов, который действовал заодно с социал-демократической фракцией Государственной Думы. Полное его наименование было «Временный Исполнительный Комитет Петроградского Совета рабочих депутатов». По своей сути этот совет был меньшевистским. 27 февраля на съезд советов собралось 125–250 депутатов³⁷. В состав президиума вошли депутаты Государственной Думы: меньшевик Н.С. Чхеидзе, трудовик А.Ф. Керенский и меньшевик Н.Д. Соколов. Таким образом, мы видим, что Керенский первоначально был членом президиума Совета и соратником Чхеидзе. Правда, вскоре между Керенским и Чхеидзе произошел конфликт: Чхеидзе категорически отказался поддерживать образованное Думой Временное правительство и отказался от предложенного портфеля министра юстиции, а Керенский не только поддержал Временное правительство, но и вошел в него, согласившись на должность того самого министра юстиции, от которой отказался Чхеидзе. Большинство историков при этом утверждают, впрочем, со слов того же Керенского или Львова, что между Советом и Временным правительством сразу же образовалась вражда. Однако это не соответствует истине. *«Совет в первое время своего существования, – пишет А.А. Демьянов, – всегда поддерживал Временное правительство»*³⁸.

Здесь необходимо осветить еще один важнейший вопрос, без которого взаимоотношения между Временным правительством и Советом будут непонятны. И Временное правительство, и Петроградский Совет находились под сильнейшим влиянием масонской ложи Великого Востока народов России. В.С. Брачев пишет: *«Особо важное значение придавало руководство Верховного Совета Великого Востока народов России взаимодействию с Петроградским Советом, руководящая роль в котором, как и во Временном правительстве, принадлежала "братьям-масонам": Н.С. Чхеидзе (председатель), М.И. Скобелев, Н.Д. Соколов, К.А. Гвоздьев. Тот факт, что Чхеидзе был "братом", – отмечал впоследствии А.Я. Гальперин⁵, – сильно облегчал мою задачу. Я мог говорить с ним совсем просто: чего кочевряжиться, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему". С учетом существования тайного единого масонского центра (кадеты, меньшевики, трудовики, прогрессисты, эсеры), цепко державшего под своим негласным контролем и Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, традиционное ленинское представление о периоде с марта по июль 1917 года как периоде двоевластия нуждается в серьезной корректировке. Власть-то, оказывается, была у нас все-таки одна»*³⁹.

То же самое пишет и В.В. Кожин: *«В тогдашней "второй власти" – ЦИК Петроградского Совета – масонами были все три члена президиума – А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев и Н.С. Чхеидзе – и два из четверых членов Секретариата – К.А. Гвоздьев и Н.Д. Соколов. Поэтому так называемое двоевластие после Февраля было весьма относительным, в сущности, даже показным: и в правительстве, и в Совете заправляли люди "одной команды"»*⁴⁰.

В подтверждение этого достаточно сказать, что в состав Верховного Совета ВВНР Керенский и Чхеидзе были избраны одновременно на общем заседании!⁴¹

⁵ Один из руководителей ВВНР. – П.М.

Таким образом, Керенский давно знал Чхеидзе, да и всю головку Совета – по работе в ВВНР, и имел с ними тесные отношения. С самого начала февральского переворота все члены ВВНР действовали вместе и сообща. *«В момент начала Февральской революции, – писал масон Н.В. Некрасов, – всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства: сперва Временного Комитета Государственной Думы, а затем и Временного правительства. Во всех переговорах масоны играли закулисную, но видную роль»*⁴².

Да, между руководством ВВНР и Чхеидзе могли быть определенные разногласия (Чхеидзе после февральского переворота считал роль «братства» выполненной), но, безусловно, все главные вопросы решались масонским Верховным Советом, и никакой Петроградский Совет не мог ему противостоять.

Учитывая вышеизложенное, можно с полным основанием сказать, что так называемые разногласия между Временным правительством и исполкомом Совета носили в марте 1917 года непринципиальный характер и легко могли быть улажены руководством ВВНР. Тем более когда дело касалось такого важного вопроса, как судьба свергнутого Императора и членов его Семьи. Член Временного правительства Суханов фактически подтверждал это, когда говорил, что *«не стоило большого труда, чтобы смягчить решение Исполн. Ком.»*⁴³.

При этом Керенский все время стремился продемонстрировать Совету верховенство власти Временного правительства. *«Чрезвычайно любопытно было отношение Керенского к исполнительному комитету Совета раб. и солд. депутатов. Он искренно считал, что Вр. правительство обладает верховной властью и что испол. комитет не вправе вмешиваться в его деятельность»*⁴⁴. (Набоков). Всё вместе взятое позволяет утверждать, что пресловутое «давление» и «влияние» Петроградского Совета на Временное правительство, вплоть до его большевизации, было колоссальным и сознательным преувеличением, устраивавшим обе стороны и их зарубежных покровителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.